ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

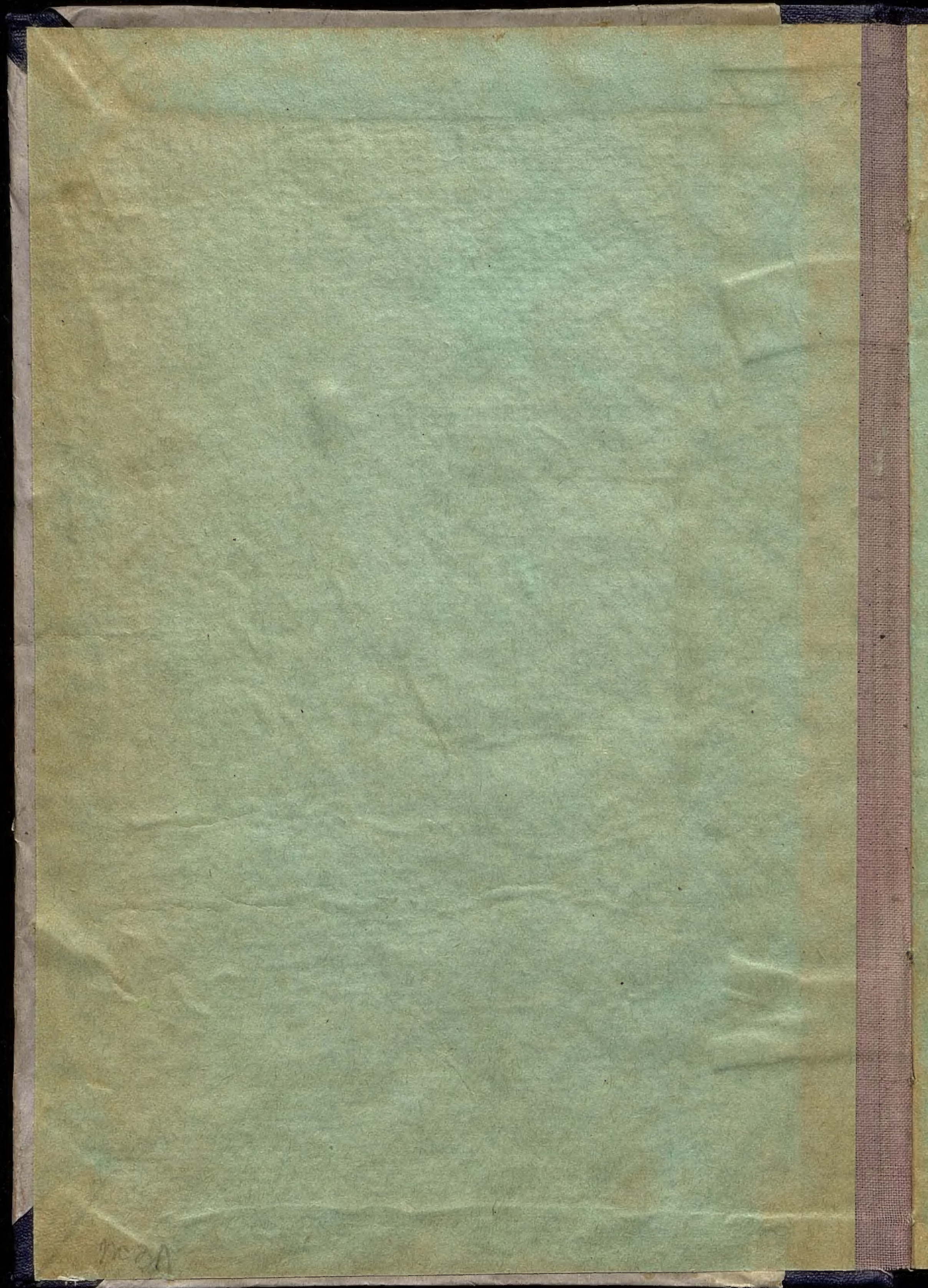
Н. И. ЛОБАЧЕВСКАГО.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи университета 5 ноября 1868 г.

Е. Янишевскимъ.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1868.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Н. И. ЛОБАЧЕВСКАГО.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи университета 5 ноября 1868 г.

Е. Янишевскимъ.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1868.

Печатано съ разрѣшенія Ректора Императорскаго Казанскаго Университета.

Милостивые Государи!

Жизнь и дѣятельность Н. И. Лобачевскаго неразрывно связана съ исторіей нашего университета. Лобачевскій былъ однимъ изъ первыхъ студентовъ вновь основаннаго университета, онь былъ и первымъ изъ профессоровъ, заплатившихъ нашему университету ученою и административною дѣятельностью всей жизни за свое образованіе. Въ продолженіе многихъ лѣтъ бывши ректоромъ университета, Лобачевскій былъ постояннымъ совѣтникомъ и помощникомъ Мусину-Пушкину при устройствѣ университета послѣ тяжкаго для него времени управленія Магницкаго. Кабинеты были или неустроены, или въ страшномъ безпорядкѣ, зданія университета не отстроены, библіотека въ жалкомъ положеніи, почти безъ всякихъ пособій для преподаванія за все время управленія Магницкаго. Лобачевскій долженъ былъ приводить въ порядокъ запутанныя денежныя дѣла, завѣдывать библіотекою, (гдѣ составлялъ и каталоги и правила для пользованія книгами) провѣрять кабинеты и музеи, неослабно и постоянно слѣдить за всѣми постройками университетскихъ зданій, по званію предсѣдателя строительнаго комитета, преподавать по двумъ и даже по тремъ каѳедрамъ. И несмотря на эту разнообразную дѣятельность по устройству университета, Лобачевскій находилъ время для ученыхъ занятій, доставившихъ ему нынѣ столь заслуженную извѣстность за границею.

Лобачевскій былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашего университета въ его истекшее пятидесятилѣтіе. Многіе здѣсь присутствующіе знали лично Лобачевскаго, многіе помнятъ его какъ привѣтливаго и умнаго собесѣдника, но не многіе знаютъ, сколько пользы принесъ этотъ замѣчательный человѣкъ не только университету, но и цѣлому

округу. Скромно, въ дальнемъ уголкѣ, красуется славное имя Лобачевскаго на карнизахъ актовой залы Императорской первой гимназіи, скромное мѣстозанимаетъ и память Лобачевскаго въ исторической запискѣ о первой казанской гимназіи; по архивныя дѣла и ученыя записки казанскаго университета громко говорятъ намъ какъ неизмѣримо высоко стоитъ передъ всѣми современными ему дѣятелями науки въ Казани Лобачевскій.

Николай Ивановичъ Лобачевскій родился 1793 года въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Объ отцѣ его мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній; знаемъ только что онъ былъ мелкимъ чиновникомъ, получавшимъ не большое жалованье. Бѣдность и недостатки окружали колыбель Николая Ивановича, и эти недостатки сдѣлались еще ощутительнѣе послѣ смерти его отца, котораго онъ лишился еще въ самой ранней молодости. Съ именемъ Николая Ивановича мы встрѣчаемся въ первый разъ въ гимназическихъ актахъ въ 1802 году: 5-го ноября 1802 года Николай Ивановичъ поступилъ въ казанскую гимназію на казенное содержаніе. Мы незнаемъ, когда онъ переѣхалъ съ своею матерью Прасковьей Ивановной и двумя братьями Александромъ — старшимъ и Алексѣемъ—младшимъ, въ Казань, но въ это время братъ его Александръ былъ уже въ гимназіи, а вскорѣ туда поступилъ и меньшой его братъ Алексѣй.

Въ гимназіи Н. И. Лобачевскій все время учился очень хорошо. Прослѣдивъ вѣдомости главнаго надзирателя гимназіи Упадышевскаго, мы видимъ что за все время ученія въ гимназіи Николай Ивановичъ аттестовался весьма прилежнымъ и благонравнымъ и уже при концѣ гимназическаго курса занимающимся съ особеннымъ прилежаніемъ математикою и латинскимъ языкомъ.

Какъ извѣстно, въ 1805 году 14 февраля, послѣдовало открытіе Казанскаго университета. Изъ числа учителей гимназіи были переименованы: директоръ гимназіи Яковкинъ— профессоромъ исторіи, географіи и статистики россійской; Карташевскій — адъюнктомъ высшей математики; Эрихъ — адъюнктомъ древностей латинскаго и греческаго языковъ;

Левицкій—адъюнктомъ умозрительной и практической философіи; Запольскій — адъюнктомъ прикладной математики и опытной физики. О раздѣленіи на факультеты, избраніи декановъ, открытіи правленія и проч. конечно не могло быть и рѣчи при такомъ ограниченномъ числѣ преподавателей; а потому управленіе университета, равно какъ и гимназіи ввѣрено было — по учебной части *совѣту при гимназіи*, составленному, подъ предсѣдательствомъ директора и профессора Яковкина, изъ профессоровъ и адъюнктовъ, а по хозяйственой части — конторѣ, составленной, также подъ предсѣдательствомъ Яковкина, изъ казначея, эконома и одного изъ членовъ совѣта по его избранію и съ утвержденія попечителя. Немедленно по открытіи университета, совѣтъ обратился къ родителямъ воспитывавшихся въ гимназіи дѣтей съ вопросомъ, —согласны ли они будутъ, чтобы дѣти ихъ, по окончаніи курса въ гимназіи, поступили въ открываемый вновь университетъ и, въ случаѣ если они будутъ обучаться на казенномъ содержаніи, обязались бы прослужить 6 лѣтъ въ учительской или какой либо другой зависящей отъ университета должности?—Всѣ родители безъ исключенія отвѣчали полнымъ согласіемъ на это предложеніе, всѣ выражали свою радость и отдавали дѣтей въ полное распоряженіе университета. Въ собраніи отвѣтныхъ отъ родителей писемъ мы встрѣчаемъ простой и трогательный отвѣтъ матери Лобачевскихъ; она писала:

Милостивый государь

Илья Ѳедоровичъ!

Два письма изъ совѣта гимназіи отъ имени Вашего имѣла честь получить. Извините меня, что я, по причинѣ болѣзни, долго не отвѣчала. Вы изволите писать, что бы я увѣдомила Васъ о своемъ намѣреніи — желаю ли я чтобъ дѣти мои остались казенными, дабы окончивъ ученическій и студенческій курсы, быть шесть лѣтъ учителемъ. Я охотно соглашаюсь на оное и желаю дѣтямъ какъ можно прилагать свои старанія за величайшую Государя милость, особливо для насъ бѣдныхъ.

Остаться честь имѣю и проч.

Прасковья Ивановна вполнѣ поняла и оцѣнила мысль открытія университета, которая дѣйствительно была величайшею милостью въ особенности для бѣдныхъ. Кстати замѣтить, что Лобачевская, не принадлежавшая къ привиллегированному тогда дворянскому сословію, а жена разночинца,—умѣла писать: она одна только сама подписалась подъ приведеннымъ нами письмомъ, тогда какъ другія матери, стоявшія по происхожденію выше ее, просили подписываться подъ своими письмами другихъ, по незнанію грамоты.

Старшій сынъ Лобачевской—Александръ былъ тогда-же зачисленъ въ студенты, а въ генварѣ 1807 года, послѣ окончательнаго экзамена въ гимназіи, былъ признанъ достойнымъ званія студента и Николай Ивановичъ Лобачевскій.

Трудно составить себѣ ясное понятіе о томъ—въ чемъ собственно состоялъ въ это время университетскій курсъ? По вѣдомостямъ, ежемѣсячно представлявшимся профессорами и адъюнктами въ совѣтъ гимназіи, можно видѣть, съ одной стороны, что курсъ университетскій мало чѣмъ отличался отъ гимназическаго и представлялъ какъ бы повтореніе этого послѣдняго, но съ другой стороны, тамъ читаются и такіе предметы о которыхъ въ гимназіи не могло быть и рѣчи, только все это въ весьма краткомъ видѣ. Такъ въ 1805 году профессоръ Яковкинъ, съ марта до іюня, прочелъ всю русскую исторію и часть статистики; адъюнктъ Карташевскій *со студентами назначенными слушать чистую математику*, въ августѣ, повторялъ алгебру, лонгиметрію и окончилъ планиметрію; адъюнктъ Запольскій, только въ іюнѣ мѣсяцѣ, (какъ сказано въ вѣдомости) показалъ теорію оптическихъ инструментовъ, а потомъ и практику, да сверхъ сего преподалъ физическую астрономію, о приливѣ и отливѣ и окончилъ матеріею електрическою и свойствомъ магнита; въ сентябрѣ того же года онъ прошелъ 1) главу о сцѣпленій въ тѣлахъ, 2) объ общихъ свойствахъ тѣлъ, 3) динамику и 4) началъ статику; въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ проходилъ уже о разныхъ породахъ воздуха.

Конечно Лобачевскому не предстояло получить большаго развитія при такомъ преподаваніи и при такихъ руководителяхъ, если бы вскорѣ стараніями попечителя Румовскаго университетъ не началъ быстро наполняться профессорами; уже на другой годъ послѣ открытія универ-

ситета, Румовскимъ были утверждены новые профессоры — Германъ, Цеплинъ, Стöрлъ, Бюнеманъ, Фуксъ, а вскорѣ потомъ извѣстный профессоръ чистой математики Бартельсъ и профессоръ прикладной математики Реннеръ, которому въ помощь былъ назначенъ магистръ Никольскій. Въ 1810 году поступили въ казанскій университетъ профессоръ астрономіи Литтровъ и профессоръ физики Броннеръ. Такимъ образомъ въ то время какъ въ прочихъ факультетахъ долго еще чувствовался крайній недостатокъ въ преподавателяхъ, факультетъ физико-математическій могъ начать полную свою дѣятельность и притомъ при блестящей обстановкѣ почти съ самаго открытія университета. Сверхъ того, хотя профессора математическихъ наукъ, точно также какъ и прочіе, были большею частію иностранцы (нѣмцы), незнавшіе ни слова по русски, но преподаваніе на иностранныхъ языкахъ наукъ математическихъ, по самому ихъ свойству, не представляло для студентовъ такихъ большихъ затрудненій, какія встрѣчали слушатели прочихъ наукъ (1). Всѣмъ этимъ счастливымъ обстоятельствамъ Лобачевскій обязанъ полнымъ развитіемъ своихъ способностей. Замѣтивъ блестящія его дарованія и любовь къ наукамъ математическимъ и физическимъ, Бартельсъ, Литтровъ и Броннеръ обратили на него свое особенное вниманіе: помимо оффиціальныхъ лекцій въ аудиторіи, Бартельсъ занимается на дому съ Лобачевскимъ ариѳметикою Гаусса, Литтровъ—толкованіемъ перваго тома небесной механики Лапласа; Броннеръ, съ особенною любовью, развитіемъ педагогическихъ способностей Лобачевскаго. Насколько они были довольны своимъ ученикомъ, мы можемъ видѣть изъ ихъ постоянныхъ заявленій въ совѣтѣ и

---

(1) Такъ профессоръ Германъ, въ письмѣ къ Румовскому въ 1807 г. сѣтовалъ на весьма плохіе успѣхи своихъ слушателей, такъ какъ они плохо понимаютъ его преподаваніе, хотя лекціи свои онъ долженъ былъ читать втройнѣ: для незнающихъ иностранныхъ языковъ по латинѣ, а для понимающихъ французскій или нѣмецкій языкъ—на этихъ языкахъ; —понятно какое затрудненіе должно было быть и для самихъ профессоровъ, такъ какъ изъ всѣхъ иностранцевъ бывшихъ преподавателями университета одинъ только Фуксъ зналъ по русски. Въ слѣдствіе этого Румовскій предложилъ совѣту обратить особенное вниманіе на преподаваніе латинскаго языка въ гимназіяхъ «ибо, писалъ онъ, оказавшій довольные успѣхи въ латинскомъ языкѣ, при посредственномъ успѣхѣ въ другихъ предметахъ, достойнѣе быть можетъ названъ студентомъ, нежели немогущій разумѣть профессорскихъ лекцій, но успѣвшій въ исторіи, географіи, математикѣ и проч.»

попечителю о блестящихъ дарованіяхъ и быстрыхъ успѣхахъ Лобачевскаго въ наукахъ математическихъ. Благодаря такимъ руководителямъ, Лобачевскій сдѣлался въ послѣдствіи глубокомысленнымъ ученымъ и отличнымъ педагогомъ.

Н. И. Лобачевскій въ молодости имѣлъ чрезвычайной живой и веселый характеръ. Кто его зналъ уже старикомъ,— трудно могъ бы себѣ представить это; однако-же изъ студентской его жизни мы знаемъ, что онъ никогда не отказывался отъ товарищеской кутежки, всегда готовъ былъ помогать товарищамъ въ задуманной шалости, готовъ былъ вмѣстѣ съ ними подшутить надъ инспекторомъ студентовъ или его помощниками. Никогда однакоже Лобачевскій, по своей честной и благородной натурѣ, не былъ способенъ на поступки безнравственные, которые могли бы быть ему укоромъ. Товарищи всегда любили Лобачевскаго.

Помощникъ инспектора студентовъ Кондыревъ, въ своихъ рапортахъ о поведеніи студентовъ, сначала отзывался о Н. И. Лобачевскомъ весьма хорошо; но въ 1810 году, вслѣдствіе частыхъ шалостей и насмѣшекъ надъ нимъ Лобачевскаго, перемѣнилъ о немъ свое мнѣніе. Кондыревъ дѣйствительно былъ смѣшонъ, будучи еще молоденькимъ студентомъ и находясь подъ покровительствомъ Яковкина, который произвелъ его сначала въ кандидаты, а потомъ вскорѣ (въ 1807 г.) назначилъ помощникомъ инспектора студентовъ,—Кондыревъ вообразилъ себя важнымъ человѣкомъ и принялъ со студентами строгій начальническій тонъ, который часто смѣшилъ студентовъ, а иногда и выводилъ изъ терпѣнія, такъ какъ отзывы его о поведеніи студентовъ во всякомъ случаѣ имѣли большое значеніе у Яковкина; а Кондыревъ, въ своихъ рапортахъ инспектору, иногда такъ описывалъ характеръ и нравственныя качества нѣкоторыхъ студентовъ, что они не могли не оскорбляться этими рапортами.

Рапорты Кондырева о поведеніи Н. И. Лобачевскаго въ концѣ 1810 и началѣ 1811 года едва не имѣли весьма дурныхъ послѣдствій; Лобачевскій едва не лишился, вслѣдствіе этихъ рапортовъ, степени кандидата.

7-го іюля 1811 года, въ засѣданіи Совѣта были представлены нѣкоторыми членами къ производству въ кандидаты студенты Михаилъ Юнаковъ и Владиміръ Булыгинъ по части историческихъ наукъ, Дормедонтъ Самсоновъ — по ча-

сти словесности и особенно греческой и Алексѣй Лобачевскій ([1])—по части Химіи и Технологіи. О Николаѣ Лобачевскомъ въ протоколѣ того же засѣданія сказано: «нѣкоторыми изъ гг. членовъ замѣчено, что Николай Лобачевскій по отличнымъ успѣхамъ своимъ и дарованіямъ въ наукахъ математическихъ могъ бы быть удостоенъ званія студента кандидата, если бы худое его поведеніе не препятствовало сему, почему онъ и неодобренъ, *причемъ особенно профессоръ инспекторъ студентовъ и кавалеръ* и нѣкоторые другіе изъ членовъ подтвердили, что сдѣлать сего въ настоящее время, согласно съ справедливостію и узаконеніями, никакъ невозможно, а лучше подождать его исправленія». Все это было сначала прописано въ черновомъ представленіи Попечителю, но потомъ выпущено вовсе. Профессора математическихъ наукъ по необходимости должны были согласиться съ этимъ,— Яковкинъ въ то время былъ человѣкъ сильный; притомъ русскаго языка они незнали, прослѣдить всѣхъ рапортовъ Кондырева не могли, а они бы увидѣли въ нихъ большія противорѣчія; между тѣмъ о поведеніи Лобачевскаго Яковкинымъ было донесено даже Попечителю, и онъ писалъ Совѣту: «а студенту Лобачевскому, занимающему первое мѣсто по своему худому поведенію, объявить мое сожалѣніе о томъ, что онъ отличныя свои способности помрачаетъ несоотвѣтственнымъ поведеніемъ, и для того чтобы онъ постарался перемѣнить и исправить оное, въ противномъ случаѣ, если онъ совѣтомъ моимъ не захочетъ воспользоваться, и опять будетъ принесена жалоба на то, тогда я принужденъ буду довести о томъ до свѣдѣнія министра просвѣщенія».

Между тѣмъ, когда представленіе къ попечителю объ утвержденіи кандидатами представленныхъ студентовъ еще не было послано, въ слѣдующемъ засѣданіи Совѣта, именно 11 іюля 1811 года, тѣже студенты Юнаковъ, Самсоновъ, Булыгинъ и Алексѣй Лобачевскій были представлены къ повышенію въ степень магистра. Тогда профессоры Бартельсъ, Литтровъ, Броннеръ и Германъ настояли, чтобы и Николай Лобачевскій «по его чрезвычайнымъ успѣхамъ и дарованіямъ въ наукахъ физическихъ и математическихъ» былъ удостоенъ

([1]) Старшій братъ Ник. Ивановича Александръ утонулъ въ Казанкѣ 20 іюня 1807 г. во время купанья.

также степени магистра. Яковкинъ долженъ былъ сдѣлать эту уступку, чтобы провести только своихъ любимцевъ Булыгина и Юнакова, и Лобачевскій, неудостоенный степени кандида въ прошлое засѣданіе, будто бы согласно съ справедливостію,—через три дня былъ удостоенъ степени магистра. Румовскій, въ предложеніи Совѣту отъ 3 августа, утвердилъ всѣхъ поименованныхъ студентовъ магистрами, присовокупивъ, чтобы имъ производить жалованье по кандидатскому окладу впредь до отпуска штатной суммы на магистровъ.

Весь этотъ странный способъ представленія и производства въ ученыя степени объясняется тѣмъ, что до 1819 года въ казанскомъ университетѣ не было никакихъ положительныхъ на это правилъ и узаконеній; въ одномъ случаѣ довольствовались простымъ заявленіемъ профессоровъ и не требовали ничего болѣе; въ другомъ требовали только сочиненія на заданную тему; наконецъ иногда требовался и словесный экзаменъ. Все, какъ кажется, зависѣло отъ усмотрѣнія Совѣта и попечителя, а въ Совѣтѣ въ то время не было ни порядка, ни согласія. [Только въ генварѣ 1819 года были Высочайше утверждены подробныя правила для производства въ ученыя степени—дѣйствительнаго студента, кандидата, магистра и доктора. Правила эти отличались отъ нынѣ существующихъ правилъ только сроками производства въ степени одна послѣ другой и словеснымъ испытаніемъ на степень доктора, нынѣ отмѣненнымъ.]

Получивъ утвержденіе первыхъ своихъ магистровъ, Совѣтъ университета установилъ правила, которыми опредѣлялись обязанности кандидатовъ и магистровъ. По этимъ правиламъ кандидаты, кромѣ усовершенствованія въ избранной ими наукѣ подъ руководствомъ профессоровъ, адъюнктовъ, а иногда и магистровъ, должны были усовершенствовать также себя въ языкахъ русскомъ и латинскомъ, для чего назначаемы имъ были особыя лекціи. Магистры должны были, за болѣзнію профессоровъ и адъюнктовъ, преподавать ихъ лекціи, повторять со слушателями пройденное, споспѣшествовать изданію Казанскихъ извѣстій (¹), и сверхъ того заниматься усо-

---

(¹) Журналъ этотъ прежде имѣлъ цѣлію опубликованіе правительственныхъ распоряженій и издавался при губернскомъ правленіи; въ 1811 году,

вершенствованіемъ въ избранныхъ наукахъ, находясь для этого въ ближайшихъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ профессорами и адъюнктами. Объ успѣхахъ кандидатовъ и магистровъ профессоры должны были доносить Совѣту каждое полугодіе. Казенные кандидаты и магистры, которыхъ занятія были такимъ образомъ опредѣлены, составили педагогическій институтъ при университетѣ, и ввѣрены были особому надзору и наблюденію директора этого института, профессора физики Броннера, подъ руководствомъ, котораго они подготовлялись къ педагогической дѣятельности.

Николай Ивановичъ Лобачевскій въ первый разъ выступилъ на поприще преподавателя въ 1812 году; въ это время ему было поручено чтеніе публичнаго курса ариѳметики

изданіе его перешло, по распоряженію Министерства, въ Казанскій университетъ и, по составленнымъ тогда правиламъ, должно было имѣть образовательное вліяніе на казанскій край, оно должно было знакомить публику съ новыми открытіями наукъ, съ изящною литературою, съ естественными богатствами края и проч. Изданіе это однакоже шло весьма плохо. Въ 1820 г. Магницкій писалъ директору университета: «Найдя изданіе Каз. Извѣстій недовольно благовиднымъ, я входилъ съ представленіемъ къ г. Министру духовн. дѣлъ и народн. просвѣщенія, о замѣненіи газеты сей изданіемъ журнала. Нынѣ г. Министръ увѣдомилъ меня, что Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, учиненному въ слѣдствіе внесенной отъ него записки Высочайше соизволилъ на изданіе при Каз. унив., вмѣсто Казанскихъ извѣстій, журнала, на основаніи особыхъ правилъ, а именно: 1) Планъ журнала будетъ раздѣленъ на двѣ части: первую часть составятъ начальственныя распоряженія, къ учебному устройству относящіяся; вторую сочиненія и переводы, извѣстія политическія, ученыя и о пожертвованіяхъ благотворителей. Въ разсужденіи времени журналъ расположится такъ, чтобъ каждой мѣсяцъ выходила одна книжка. 2) Для изданія журнала составится комитетъ постоянный, изъ людей отличныхъ способностей къ отечественной словесности. 3) Журналъ долженъ печататься на счетъ хозяйственныхъ суммъ безъ вычета издержекъ до того времени, какъ будетъ приносить 5000 рублей, послѣ чего издержки будутъ возвращаться въ казну. Вся прибыль должна раздѣляться между членами издательнаго комитета. Выборъ членовъ и раздѣленіе прибыли предоставляется въ распоряженіе директора университета». Сообщая объ этомъ, Магницкій, съ своей стороны, присовокупилъ нѣкоторыя соображенія объ изданіи предполагаемаго журнала, который предписалъ назвать Казанскимъ Вѣстникомъ; такъ напр. всѣ матеріялы и статьи для журнала д. были представляться предварительно на его разсмотрѣніе, притомъ «выборъ всѣхъ темъ долженъ быть устремленъ къ той цѣли, чтобъ доказывать, что христіанское благочестіе есть основаніе истинно добраго воспитанія» и проч. Членами издательнаго комитета были избраны: Суровцовъ,

и геометріи для чиновниковъ обязанныхъ службою [1], вмѣсто Алексѣя Ивановича Лобачевскаго, которому собственно назначены были эти чтенія, но который уѣхалъ въ это время по своимъ дѣламъ въ Нижній и Москву.

Полнота, отчетливость и необыкновенная ясность изложенія въ преподаваніи Н. И. Лобачевскаго, тогда же обра-

---

Городчаниновъ, Дунаевъ, Пальминъ, Тимьянскій, Булыгинъ и Грацинскій.— Казанскій Вѣстникъ однакоже плохо пошелъ: уже въ 1823 г. директоръ унив. Никольскій, въ слѣдствіе предложенія попечителя, писалъ совѣту, что «порядокъ для сего журнала нарушенъ не токмо позднимъ выходомъ онаго, но и несообразнымъ помѣщеніемъ въ немъ статей, состоящихъ большею частью изъ *переводовъ студентовъ*». На запросъ совѣта о неисправности изданія, издательный комитетъ отговаривался болѣзнію или отсутствіемъ членовъ, другими занятіями и проч. Составлены были новыя правила, учрежденъ новый комитетъ, но дѣло опять не пошло, такъ что въ 1826 году совѣтъ университета писалъ Министру народнаго просвѣщенія, что «издаваемый при университетѣ Каз. Вѣстникъ *при всей дѣятельности и учености членовъ издательнаго комитета*, къ сожалѣнію, не достигаетъ своей цѣли ни въ отношеніи къ публикѣ, ни въ отношеніи къ пользамъ университета. Главною причиною сему полагая то, что нынѣ слишкомъ увеличилось число журналовъ и газетныхъ листковъ, которые по разнообразію статей, преимущественно относящихся къ удовольствію и любопытству читателей, и по скорому доставленію политическихъ извѣстій, должны всегда имѣть болѣе подписчиковъ. Между тѣмъ Каз. Вѣстникъ, бывъ направленъ къ тому единственно, чтобы сообщать статьи нравственныя и ученыя, не можетъ имѣть никогда такого расходу, который вознаграждалъ бы издержки, на оный употребляемыя университетомъ». Поэтому совѣтъ университета просилъ Министерство, вмѣсто изданія Каз. Вѣстника, разрѣшить изданіе снова Каз. Извѣстій, въ видѣ газеты, по плану составленному профессоромъ Суровцовымъ Министерство однакоже не разрѣшило этого и Каз. Вѣстнику суждено было дожить до 1832 г., когда журналъ этотъ былъ, по плану составленному Лобачевскимъ, преобразованъ въ «Ученыя Записки Каз. университета».

[1] Въ 1809 г. По Высоч. повелѣнію былъ учрежденъ при каз. университетѣ *экзаменный комитетъ* для экзамена чиновниковъ при производствѣ въ восьмиклассный чинъ и открыты публичные лѣтніе курсы для чиновниковъ обязанныхъ службою для того, чтобы чиновники, неимѣвшіе возможности приготовиться къ экзамену дома, могли безденежно слушать курсъ тѣхъ наукъ, изъ которыхъ они должны были экзаменоваться при производствѣ въ восьмиклассный чинъ.

Замѣчательно, что первые явившіеся для экзамена въ Казанскій комитетъ въ 1809 г. были будущіе попечители Каз. учебн. округа Мих. Ник. Мусинъ Пушкинъ и Влад. Порф. Молоствовъ. Оба они и начали и окончили экзаменъ въ одно и тоже время.

тили на него особенное вниманіе, и въ слѣдующемъ году онъ уже оффиціально былъ назначенъ, вмѣсто Алексѣя Ивановича, преподавателемъ публичныхъ курсовъ ариѳметики и геометріи, совмѣстно съ своимъ учителемъ Бартельсомъ, а черезъ годъ, въ слѣдствіе ходатайства Броннера и Бартельса онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ, въ одно время съ Симоновымъ, Тимьянскимъ и Дунаевымъ (26-го марта 1814 г.). Хотя Совѣту университета уставомъ предоставлено было право избранія преподавателей, но Лобачевскій и Симоновъ ни на должности адъюнктовъ, ни вскорѣ на должности экстраординарныхъ профессоровъ не были избираемы совѣтомъ, а утверждены были въ этихъ должностяхъ министромъ по представленію попечителя. Чтобы уяснить себѣ это обстоятельство, необходимо обратить вниманіе на тогдашнее состояніе Казанскаго университета и на отношенія совѣта къ попечителю.

Мы уже выше говорили, что со времени основанія университета управленіе его было ввѣрено *совѣту при гимназіи*, состоявшему изъ профессоровъ и адъюнктовъ подъ предсѣдательствомъ директора гимназіи, профессора Яковкина, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и инспекторомъ казенныхъ студентовъ. Бывши директоромъ гимназіи и пользуясь особымъ расположеніемъ попечителя Румовскаго, Яковкинъ былъ полновластнымъ хозяиномъ гимназіи; также самовластно хотѣлъ распоряжаться онъ и въ открытомъ вновь университетѣ; между тѣмъ бывшіе учителя гимназіи, переименованные въ адъюнкты, встали въ положеніе отличное отъ положенія учителей гимназіи и не могли смотрѣть на Яковкина какъ на своего начальника, какъ это было прежде. Такимъ образомъ съ первыхъ же засѣданій совѣта только что учреждавшагося университета открылись распри и пререканія, которыя надолго вредно отозвались на университетѣ.

Если бы Яковкинъ былъ человѣкъ болѣе благоразумный, болѣе способный, болѣе преданный новому университету, менѣе самовластный и безпорядочный, если бы онъ въ состояніи былъ заслужить уваженіе своихъ товарищей, дѣло новаго университета быстро могло бы подвинуться впередъ, тѣмъ болѣе что стараніями Румовскаго университетъ скоро сталъ наполняться профессорами; а Яковкинъ, не заслужившій никакого уваженія отъ своихъ товарищей, по человѣкъ въ высшей степени самолюбивый хотѣлъ дѣйствовать на нихъ толь-

ко жалобами и безпрерывными доносами попечителю и тѣмъ возбуждалъ еще большее неудовольствіе въ совѣтѣ, такъ что еще въ первые два года существованія университета возникшія въ совѣтѣ неудовольствія и ссоры едва могли быть сдержаны частію увольненіемъ, частію временнымъ удаленіемъ изъ присутствія совѣта, по распоряженію министерства и попечителя, нѣкоторыхъ членовъ совѣта (Цеплина, Каменскаго, Карташевскаго, Эвеста). Но и это помогло не надолго, такъ какъ корень неудовольствій и безпорядковъ лежалъ только частію въ членахъ совѣта, а главнымъ образомъ въ его предсѣдателѣ. Пріѣзжавшіе изъ за границы, по вызову Румовскаго, профессора — Реннеръ, Бартельсъ, Литтровъ, Броннеръ, Браунъ и др. уже и тѣмъ менѣе могли смотрѣть на Яковкина какъ на своего начальника, и неудовольствія въ совѣтѣ вскорѣ возобновились; такъ что когда въ 1810 году, въ слѣдствіе наполненія университета профессорами, министерство нашло возможнымъ разрѣшить выборы въ ректоры, деканы и другія университетскія должности, и когда Яковкинъ, какъ и слѣдовало ожидать, не былъ избранъ ни на одну изъ этихъ должностей,—онъ, желая удержаться при прежнемъ своемъ значеніи въ университетѣ, послалъ къ Румовскому доносъ о своевольствѣ и дерзостяхъ произведенныхъ будто бы нѣкоторыми членами (и въ особенности Брауномъ, избраннымъ въ ректоры) во время самыхъ выборовъ, и просилъ Румовскаго о томъ чтобы эти выборы не были утверждены. Несмотря на письменное заявленіе лучшихъ профессоровъ—Литтрова, Броннера, Бартельса и др. о ложности этого доноса, произведенные выборы дѣйствительно не были утверждены и университетъ остался въ прежнемъ положеніи до 1813 года, когда послѣ смерти Румовскаго и назначенія на его мѣсто Салтыкова, были произведены новые выборы. Яковкинъ и теперь не былъ избранъ ни въ какую изъ должностей, а ректоромъ былъ выбранъ, какъ и прежде, профессоръ анатоміи Браунъ. Должно удивляться, какимъ образомъ Румовскій не убѣдился съ перваго раза, что Яковкинъ способенъ былъ только сѣять раздоры и безпорядки и уже никакъ не могъ, какъ передовой и вліятельный человѣкъ, вести возрождавшійся университетъ къ его высокой цѣли. По счастію Яковкинъ въ Салтыковѣ уже не встрѣтилъ такого покровителя, какого имѣлъ онъ въ Румовскомъ и уже вскорѣ послѣ смерти этого послѣдняго онъ былъ смѣщенъ даже

съ должности инспектора казенныхъ студентовъ, въ слѣдствіе безпорядочности ихъ хозяйства и какихъ то недочетовъ въ немъ.

Это печальное начало Казанскаго университета имѣло пагубное вліяніе и на дальнѣйшее его развитіе. Иностранцы пріѣзжавшіе профессорами въ Казанскій университетъ, съ перваго же взгляда увидѣли, что дѣло университета какъ будто чуждо его совѣту, что совѣтъ занятъ только ссорами, интригами и пререканіями, — и сами вскорѣ вполнѣ предались своимъ личнымъ дѣламъ и смотрѣли на университетъ какъ на мѣсто дающее имъ деньги и извѣстныя права къ обогащенію. Такъ профессорамъ предоставлено было право открывать частные пансіоны для обученія дѣтей;—многіе изъ иностранныхъ профессоровъ воспользовались этимъ правомъ, приготовляя молодыхъ людей къ поступленію въ университетъ и получали за это довольно значительныя по тогдашнему времени деньги. Даже Литровъ—и тотъ имѣлъ свой пансіонъ. Пансіоны эти конечно должны были отвлекать профессоровъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей—и преподаваніе шло плохо. Мы должны однакоже исключить изъ этого большинства иностранцевъ свѣтлую личность Броннера, который, будучи самъ отличнымъ педагогомъ, съ любовью занимался образованіемъ русскаго юношества и въ особенности кандидатовъ и магистровъ, готовившихся къ педагогической дѣятельности (1).

---

(1) Броннеръ, по предложенію Румовскаго, въ 1812 году, составилъ и передалъ въ совѣтъ распредѣленіе преподаваній въ университетѣ, до того времени не имѣвшемъ правильнаго раздѣленія на факультеты. Въ этомъ распредѣленіи, послѣ выбора декановъ, принятомъ въ совѣтѣ и введенномъ въ дѣйствіе, университетское преподаваніе раздѣлялось на два главные отдѣла:

I. *Двухгодичный курсъ приготовительныхъ наукъ*, обязательный для студентовъ всѣхъ факультетовъ и разрядовъ. Въ этотъ курсъ входили слѣдующія науки:

1-й *годъ*.

обязательно:

1) Эстетика,
2) Филологія (классическая литтература, изученіе латинскаго языка и авторовъ),
3) Всеобщая исторія, Статистика и Географія,
4) Теоретическая философія,
5) Элементарная математика (алгебра, геометрія, тригонометрія),

Послѣ выбора и утвержденія ректора и декановъ повидимому должны бы были окончиться ссоры и распри въ университетскомъ совѣтѣ; но вышло совсѣмъ напротивъ. Между попечителемъ, Салтыковымъ, и ректоромъ, Бауномъ, про-

---

ad libitum.
- a) Греческій языкъ,
- b) Зоологія и Ботаника,
- c) Французскій языкъ,
- d) Нѣмецкій языкъ,
- e) Политическая экономія.

2-й *годъ*.

обязательно
1) Филологія (изученіе классиковъ и древностей),
2) Исторія, статистика и географія Россіи,
3) Практическая философія,
4) Продолженіе алгебры, приложенія къ геометріи и проч.
5) Физика теоретическая и опытная.

ad libitum.
- a) Греческій языкъ,
- b) Нѣмецкій языкъ,
- c) Французскій явыкъ,
- d) Минералогія,
- e) Химія.

II. *Двухъ или трехгодичный курсъ факультетскихъ наукъ.* Факультетовъ 4.

A. Факультетъ нравственныхъ и политическихъ наукъ. Къ нему относились:

1) Теологическія науки,
2) Философскія науки,
3) Юриспруденція,
4) Политическая экономія.

Каждыя изъ этихъ наукъ составляли особый разрядъ, изученію котораго и могли посвящать себя студенты прослушавшіе приготовительныя науки.

B. Факультетъ физико-математическихъ наукъ. Къ нему относились:

1) ***Науки математическія:*** a) Чистая математика, состоявшая изъ чистой математики элементарной и высшей чистой математики; b) прикладная математика; c) астрономія.
2) *Науки физическія:* a) Естественная исторія (Зоологія, Ботаника и Минералогія); b) Физика теоретическая и экспериментальная; c) Химія и Металлургія.
3) *Экономія:* a) Технологія и фабричныя искусства; b) сельское хозяйство.

изошли какія то недоразумѣнія и неудовольствія, которыя весьма дурно отозвались на университетскихъ дѣлахъ. Многія совѣтскія представленія встрѣчали препятствія въ попечителѣ, и обратно многія предложенія попечителя встрѣчали оппозицію въ совѣтѣ. Такимъ образомъ напримѣръ, когда 27 апрѣля 1816 года Салтыковъ предложилъ совѣту «объ учиненіи выбора гг. адъюнктамъ Симонову и Лобачевскому на званіе экстра-ординарныхъ профессоровъ», Совѣтъ, большинствомъ голосовъ, постановилъ не баллотировать ихъ, а спросить непосредственно министра, можетъ ли онъ приступить къ этому выбору, «имѣя въ виду, что по уставу положено имѣть четырехъ экстра-ординарныхъ профессоровъ, каковое число нынѣ уже въ университетѣ находится». Въ отвѣтъ на это представленіе, получено, отъ 7 іюля, предложеніе министра объ утвержденіи Лобачевскаго и Симонова

Здѣсь было три особыхъ разряда, изученію которыхъ, по произволу, могли посвящать себя студенты.

C. Медицинскій факультетъ. Къ нему принадлежали:

1-й *годъ.* Анатомія, Естественная исторія (Зоологія, Ботаника, Химія).

2-й *годъ.* Физіологія, Антропологія, продолженіе Анатоміи, Минералогія, Антропохимія и Зоохимія.

3-й *годъ.* Общая патологія и Терапія, Динаміологія, Фармацевтика, фармація.

4-й *годъ.* Частная патологія и Терапія и клиника, Хирургія.

5-й *годъ.* Клиника, литература и исторія медицины, Medicina forensis, медицинская полиція, ветеринарія.

Прим. Въ самомъ распредѣленіи преподаваній не указано, должны ли были студенты, прежде поступленія въ медицинскій факультетъ, прослушать двухгодичный курсъ приготовительныхъ наукъ или нѣтъ, и мы нигдѣ не нашли указаній на это.

D. Факультетъ филологическій. Къ нему относились:

1) Ars Rhetorica et poetica,
2) Греческій языкъ и литература,
3) Латинскій языкъ и древности,
4) Всеобщая исторія, статистика и географія,
5) Исторія, статистика и географія Россіи,
6) Восточные языки,
7) Языкъ и литература французскіе,
8) Языкъ и литература нѣмецкіе.

экстра-ординарными профессорами «по засвидѣтельствованію г. попечителя объ отличныхъ ихъ познаніяхъ и способностяхъ»; между тѣмъ какъ почти въ тоже время, именно отъ 14 іюля, получилось предложеніе попечителя, чтобы до времени университетъ не повышалъ экстра-ординарныхъ профессоровъ въ ординарные и адъюнктовъ въ экстра-ординарные, а каѳедры поручились бы экстра-ординарнымъ профессорамъ и адъюнктамъ — «такъ какъ отъ некомплекта профессоровъ составится важная отрасль экономической суммы, которая послужитъ на поправленіе учебныхъ заведеній при университетѣ и на ихъ усовершенствованіе». Такимъ образомъ этотъ странный способъ накопленія экономической суммы отнималъ у совѣта право избранія профессоровъ, принадлежащее ему по уставу, тогда какъ министерство оставило за собой это право только по заявленію попечителя. Когда, вопреки этому предложенію, совѣтъ избралъ въ томъ же году экстра-ординарнаго профессора Солнцева въ ординарные, Солнцевъ не былъ утвержденъ въ этомъ званіи, а попечитель по этому поводу далъ на имя ректора предложеніе, которымъ «предписывается г. ректору оказывать пріязненную и должную откровенность попечителю, что обнаружено при представленіи прямо къ г. министру объ утвержденіи Солнцева ординарнымъ профессоромъ и при избраніи Лообачевскаго и Симонова въ экстра-ординарные профессоры». Несмотря однакоже на это *предписаніе* непріязненныя отношенія между совѣтомъ и попечителемъ продолжались до самаго увольненія Салтыкова въ сентябрѣ 1818 года.

Ко всѣмъ этимъ непріятностямъ, часто вредившимъ университету, присоединялись еще не перестававшія съ давнихъ поръ ссоры между профессорами, ссоры, достигшія въ это время до скандальныхъ размѣровъ: многіе профессоры нѣмцы такъ перессорились между собою, что не хотѣли даже вмѣстѣ присутствовать въ факультетахъ, въ комитетахъ и проч. и безпрестанно подавали въ совѣтъ жалобы другъ на друга самаго неприличнаго содержанія; протоколы совѣта переполнены множествомъ дѣлъ по этимъ жалобамъ, гдѣ были выведены на сцену жены, дочери, кухарки профессоровъ и разоблачены самыя сокровенныя семейныя дѣла. Къ этому надо присоединить, что совѣтъ совершенно опустилъ изъ виду учебновспомогательныя заведенія университета: библіотека была въ крайнемъ безпорядкѣ, кабинеты въ запу-

степени и не имѣли, ни каталоговъ, ни описей даже и того скуднаго имущества, которое было въ нихъ.

Должно сказать, что Лобачевскій въ это время мало принималъ участія въ дѣлахъ совѣта; причиною этого было частію разстроенное здоровье, для поправленія котораго онъ ѣздилъ сначала въ Макарьевъ, на свою родину, а потомъ на Сергіевскія сѣрныя воды, а частію можетъ быть и нежеланіе присутствовать при ссорахъ въ совѣтѣ, изъ которыхъ не было никакого выхода; при томъ, будучи сначала адъюнктомъ, онъ имѣлъ въ совѣтѣ право голоса только въ дѣлахъ, касавшихся учебной части, которыхъ было немного. Въ это время онъ вполнѣ предался преподаванію, сначала въ качествѣ помощника Бартельса и Никольскаго, а потомъ получивъ, по постановленію совѣта, отъ Никольскаго часть студентовъ, которые, какъ доносилъ Броннеръ, оказались неуспѣвшими у Никольскаго.

Лобачевскаго въ это время не отвлекали отъ его научныхъ занятій никакія постороннія порученія; только въ 1818 году онъ былъ избранъ членомъ училищнаго комитета, который долженъ былъ, по уставу, управлять всѣми дѣлами, касавшимися гимназій и училищъ округа, подвѣдомыхъ тогда не непосредственно попечителю, но университету. А въ началѣ 1819 года, въ слѣдствіе увольненія профессора астрономіи Симонова (занявшаго эту каѳедру по выходѣ изъ нашего университета Литрова въ 1816 г.) въ Петербургъ, Лобачевскому было поручено, сверхъ его прежнихъ обязанностей, и преподаваніе астрономіи, причемъ Лобачевскій вызвался продолжать это преподаваніе даже и тогда, когда какія нибудь обстоятельства удержали бы на долго Симонова въ отлучкѣ. Симоновъ и дѣйствительно былъ отправленъ въ кругосвѣтное путешествіе, и во все время его отсутствія Лобачевскій преподавалъ астрономію.

Въ такомъ положеніи находился Казанскій университетъ въ концѣ 1818 года передъ извѣстною его ревизіей, произведенною по Высочайшему повелѣнію членомъ главнаго правленія училищъ Магницкимъ. Ревизія эта имѣла такія слѣдствія и такое огромное вліяніе на судьбу Казанскаго университета, что мы не можемъ не сказать о ней нѣсколько словъ.

Слухи и свѣдѣнія о безпорядкахъ и неустройствѣ Казанскаго университета давно уже доходили до министерства

народнаго просвѣщенія; давно уже тамъ знали, что Яковкинъ, управлявшій университетомъ при Румовскомъ и оставшійся директоромъ казанской гимназіи и послѣ него, былъ человѣкъ безпорядочный, котораго удаленіе изъ университета давно было желательно для всѣхъ (см. записку члена главнаго правленія училищъ Уварова по поводу отчета представленнаго Магницкимъ о ревизіи Казанскаго университета. *Θеоктистовъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи*). Но когда увидѣли, что безпорядки не прекращаются въ университетѣ и послѣ выбора ректора, то министерство нашло нужнымъ произвести подробную ревизію Казанскаго университета, съ тѣмъ мнѣніемъ, что если дѣйствительно безпорядки въ университетѣ такъ велики, какъ ходили объ этомъ слухи, то не должно было останавливаться даже и передъ упраздненіемъ Казанскаго университета (смотри инструкцію министерства, данную Магницкому).

Въ началѣ марта 1819 года получено было въ совѣтѣ университета предписаніе министерства, отъ 13 февраля, съ увѣдомленіемъ, что Государю угодно было повелѣть, дабы членъ главнаго правленія училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій отправился въ Казань для обозрѣнія тамошняго университета и училищъ того округа по мѣрѣ удобности. Въ слѣдствіе этого предлагалось Совѣту удовлетворять всѣ требованія Магницкаго, какія отъ него по дѣламъ университета и подвѣдомыхъ ему учебныхъ заведеній сдѣланы будутъ, во все время нахожденія его тамъ на мѣстѣ; также пока онъ будетъ исполнять возложенное на него порученіе, всѣ отношенія университета къ нему, равно какъ и его къ университету должны быть на томъ основаніи, какое состоитъ, по учрежденію, между попечителями и ихъ учебными округами.

Въ слѣдъ за тѣмъ явился въ Казань и Магницкій. Немедленно затребовавъ отъ университета различныя свѣденія, относившіяся какъ къ его состоянію, такъ и къ состоянію подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній, Магницкій потребовалъ, чтобы къ нему былъ откомандированъ профессоръ Никольскій для пособія при осмотрѣ университета и всѣхъ его заведеній во всей потребности; и въ то время, когда въ канцеляріи проректоръ Солнцевъ и секретарь совѣта Кондыревъ приготовляли всѣ нужныя для него свѣденія, Магницкій осматривалъ университетскія зданія,

кабинеты и проч. и посѣщалъ лекціи профессоровъ. Отъ 16 марта онъ писалъ уже совѣту, что, окончивъ возложенное на него порученіе по обозрѣнію Казанскаго университета, онъ почитаетъ нужнымъ теперь же сдѣлать нѣкоторыя предварительныя распоряженія и вмѣстѣ съ тѣмъ изложить всѣ свои замѣчанія. Въ этихъ замѣчаніяхъ Магницкій подробно изложилъ то состояніе университета, въ которомъ онъ ему представился при обзорѣ. Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній мы приведемъ только то, которое касается нравственнаго образованія, такъ какъ здѣсь высказывается тотъ взглядъ на образованіе, котораго держался впослѣдствіи Магницкій во все время управленія университетомъ. Здѣсь Магницкій писалъ:

«Сія существенная, главнѣйшая часть народнаго воспитанія далеко отстала отъ всѣхъ прочихъ,—я нашелъ многихъ студентовъ, неимѣющихъ нужнаго познанія о заповѣдяхъ Божіихъ. Я знаю что они въ томъ не виноваты. Причину сего гибельнаго невѣжества открылъ я въ тоже время въ гимназіи, гдѣ ни одинъ изъ учениковъ не знаетъ первыхъ началъ Закона Божія, и одинъ, 16-ти лѣтъ, не умѣлъ прочесть наизусть символа вѣры. Я знаю, что нѣкоторые изъ благонамѣренныхъ членовъ Совѣта предлагали введеніе ученія Закона Божія въ университетѣ. Но какимъ образомъ могъ студентъ, неимѣющій достаточнаго понятія о заповѣдяхъ, быть студентомъ? Какимъ образомъ гг. экзаменаторы пропустили въ святилище наукъ людей, незнающихъ краткаго катехизиса? Развѣ забыли они, что почти вчера, недалеко отъ сего самаго университета, пылали домы и храмы столицы нашей, зажженные пламенникомъ такъ называемаго просвѣщенія? Развѣ забыли, что сей самый городъ недавно еще затѣсненъ былъ несчастными жертвами безбожія образованнѣйшаго народа?

«Время уже вникнуть въ цѣль правительства, которое хочетъ и хочетъ непреоборимо положить единымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія—благочестіе. Время стать наравнѣ со всѣми просвѣщеннѣйшими народами, кои не стыдятся уже свѣта откровенія. Въ Парижѣ издается новый переводъ пророчествъ Исаіи. Вся Англія учится оригинальному языку Библіи. Германія, благодаря Канту, прошедшему черезъ лабиринтъ философіи къ преддвѣрію храма вѣры, ищетъ мудрости въ одной библіи, и мы ли одни останемся полъвѣкомъ назади?

«Да обратитъ Совѣтъ немедленное попеченіе объ укорененіи ученія Церкви, не токмо въ университетѣ и гимназіи, но и во всѣхъ училищахъ здѣшняго округа. Начальство университета требуетъ отъ него ученыхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ благочестивыхъ. Ученость же безъ вѣры въ Бога откровеннаго не токмо не нужна ему, но и почитается имъ вредною.

Оканчивая свои замѣчанія по обзору университета и гимназіи, Магницкій прибавляетъ:

«Ежели исполненное мною обозрѣніе принесетъ какую либо пользу и заслужитъ вниманіе Правительства, то первымъ поставлю я долгомъ отдать всю честь успѣха тѣмъ изъ Гг. членовъ Совѣта, коихъ просвѣщеніе, усердіе къ Правительству и отличные труды, не токмо исполнили, но даже и предупредили всѣ мои желанія».

«Первое мѣсто въ числѣ ихъ займетъ тотъ, котораго нашелъ я первымъ въ довѣренности и уваженіи Совѣта. Я обращу на него то отличное вниманіе Правительства, которое по самой строгой справедливости принадлежитъ ему. Г. профессоръ Солнцевъ былъ правою моею рукою».

«Г. профессоръ Никольскій съ отличнымъ усердіемъ руководствовалъ моимъ обозрѣніемъ, замѣняя во всѣхъ почти заведеніяхъ ихъ начальниковъ, коихъ не хотѣлъ я отвлекать отъ ихъ занятій. Онъ представленъ будетъ на особенное вниманіе Правительства, какъ по симъ трудамъ, такъ и по многимъ другимъ на пользу университета, равно какъ и г. профессоръ Кондыревъ».

«Г. профессоръ Фуксъ, который независимо отъ извѣстности его по трудамъ ученымъ, основывая обширное просвѣщеніе на единомъ истинномъ красоугольномъ камени, украшаетъ университетъ отличными добродѣтелями, коимъ свидѣтельство слышалъ я отъ всего города. Въ знакъ искренняго и справедливаго моего къ нему почтенія, получитъ онъ отъ меня засвидѣтельствованіе о семъ передъ такимъ начальникомъ, который самъ служитъ примѣромъ добродѣтели и оцѣнить ее наилучше не можетъ».

«Просвѣщенію г. профессора Вердерамо обязанъ я многими свѣдѣніями нужными для устройства предполагаемаго здѣсь медицинскаго института. Общее къ нему въ городѣ довѣріе есть лучшее ручательство, что званіе свое можетъ отправлять онъ съ честію въ обширномъ кругѣ».

«Заслуженная извѣстность Гг. профессоровъ Германа и Эриха поставлены будутъ на вниманіе начальства».

«Отличныя способности Гг. молодыхъ профессоровъ университета Лобачевскаго, Симонова, Срезневскаго, Перевощикова не укроются отъ вниманія начальства, какъ самая для него пріятная надежда, что обѣщаютъ они на будущее время. Извѣстность г. Симонова въ чужихъ краяхъ въ столь молодыя лѣта ручается, что онъ не остановится при вступленіи на путь славы».

«Всѣ чиновники университета, трудившіеся по данному мнѣ порученію, по удостоенію г. проректора, представлены будутъ къ награжденію».

Объ учебныхъ пособіяхъ университета Магницкій составилъ себѣ вообще дурное мнѣніе. Изъ вѣдомостей представленныхъ ему университетомъ дѣйствительно видно, что всѣ кабинеты были въ весьма плохомъ состояніи; но въ худшемъ всѣхъ положеніи былъ анатомическій театръ. Магницкій писалъ о немъ Совѣту: «до образованія здѣсь предполагаемаго медицинскаго института, на приличнѣйшей ногѣ, поручаю особенному вниманію медицинскаго факультета, чтобы по крайней мѣрѣ для положенія необходимѣйшаго начала анатомическихъ препаратовъ былъ составленъ порядочный остовъ тѣла человѣческаго» (¹).

(¹) Въ вѣдомости о состояніи анатомическаго театра, поданной Магницкому, мы читаемъ, что въ театрѣ находилось: 1 скелетъ младенца, 1 четвероногаго пѣтуха, 2 утки и нѣсколько отдѣльныхъ костей человѣческихъ. Сверхъ того въ Подлужной мочутся: тѣлъ мужскихъ 3, женскихъ 2, медвѣдь 1, лошадь 1.

Замѣчательно, что эти трупы мочились въ Подлужной слободѣ въ кадкахъ, поставленныхъ въ открытомъ, только загороженнымъ небольшимъ заборомъ, мѣстѣ, принадлежащемъ университету. Трупы эти, какъ впослѣдствіи открылось, мочились уже нѣсколько лѣтъ, и приставляемые къ этому «заводу» сторожа умирали отъ зараженнаго злвоніями воздуха каждый годъ по одному и по два человѣка. Директоръ университета Владимірскій въ концѣ 1819 года писалъ Совѣту университета объ этомъ «заводѣ»: «Увѣряютъ меня, что сіе заведеніе есть принадлежность анатомическаго театра, что въ моченіи труповъ предполагается добываніе скелетовъ, что въ теплое время учреждено чрезъ каждую недѣлю, перемѣнять въ кадкахъ воду, по изліяніи старой на поверхность земли въ томъ же огражденіи, и что къ производству сему приставленъ одинъ инвалидъ, который нынѣ при немъ находится. Незная слѣдствій сего учрежденія у близъживущихъ, мнѣ остается удивляться равно-

Изъ предъидущаго можно заключить, что мысль министерства о закрытіи университета, выраженная въ инструкціи данной Магницкому, едвали до отъѣзда его изъ Казани была принята имъ, такъ какъ къ большинству профессоровъ Магницкій отнесся не только благосклонно, но и съ большою похвалою. Эта мысль, не только о закрытіи Казанскаго университета, но, какъ онъ выразился, *о публичномъ его разрушеніи*, вѣроятно явилась у Магницкаго уже по возвращеніи съ ревизіи въ Петербургъ. Мы незнаемъ, что было причиною такой перемѣны, но тонъ отчета представленнаго Магницкимъ о ревизіи Казанскаго университета, по пріѣздѣ въ Петербургъ, рѣзко отличается отъ тона той бумаги, которую писалъ онъ въ Совѣтъ университета, бывши еще въ Казани. Что касается до мысли учредить въ Казани, вмѣсто университета, медицинскій институтъ, мысли, какъ говоритъ Ѳеоктистовъ, предложенной будто бы Магницкимъ, то изъ предъидущаго документа кажется ясно, что мысль объ открытіи въ Казани медицинскаго института существовала еще до ревизіи Казанскаго университета.

Какъ бы то нибыло, по счастію, мысль объ уничтоженіи Казанскаго университета, по разсмотрѣніи отчета о ревизіи Магницкаго, не была принята Государемъ, и въ августѣ мѣсяцѣ Магницкій, уже въ качествѣ попечителя Казанскаго университета и его округа, писалъ Совѣту университета:

«На представленіе министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отчета моего о обозрѣніи Казанскаго

душію градской полиціи. Не говоря о развитіи убійственныхъ газовъ при гніеніи, о удобности распространенія ихъ окрестъ и дѣйствія на живущихъ,—я спрашиваю учредителей—позволено ли имѣть отверстые гробы въ городѣ»?

«Желая съ возможною поспѣшностью истребить вредное и опасное учрежденіе моченія труповъ—зарытіемъ всего онаго завода на томъ же мѣстѣ, глубоко въ землю, я покорнѣйше прошу Совѣтъ университета указать мнѣ виновниковъ сего учрежденія, дабы на ихъ счетъ произвести предположенное его истребленіе: ибо инвалидовъ для сего дѣла употреблять я не осмѣливаюсь».

Послѣ продолжительной переписки съ медицинскимъ факультетомъ виновныхъ однако не оказалось.

Вѣроятно истребленіе этого «завода» подало поводъ извѣстной здѣсь баснѣ,—будто при Магницкомъ былъ похороненъ весь анатомическій театръ.

университета, Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: 1) Для поддержанія Казанскаго университета въ существованіи его, немедленно принять надлежащія мѣры къ приведенію всѣхъ частей онаго въ должный порядокъ. Сіе начать тѣмъ, чтобы при университетѣ оставить только тѣхъ изъ профессоровъ, кои заслужили одобреніе по свидѣтельству при обозрѣніи бывшему, и изъ нихъ составить по способностямъ факультеты, хотя и неполные, но сколько возможность позволитъ, такъ какъ бы сей университетъ вновь устроивался. Прочихъ же профессоровъ, которые при обозрѣніи не одобрены, удалить изъ онаго. 2) Засимъ, для пополненія факультетовъ, отыскать способныхъ профессоровъ въ другихъ учебныхъ округахъ, дабы предпочтительно опредѣляемы были изъ русскихъ; а въ случаѣ недостатка выписывать и изъ чужихъ краевъ, но токмо не иначе, какъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о нравственности ихъ.

«Въ исполненіе таковой Высочайшей воли, главное училищъ правленіе, разсмотрѣвъ отчетъ мой и сдѣлавъ разборъ между профессорами, признало нужнымъ учинить слѣдующія предварительныя распоряженія».

«1. Ввести при Казанскомъ университетѣ преподаваніе Богопознанія и христіанскаго ученія, и для того, по сношенію съ преосвященнымъ Казанскимъ архіереемъ, опредѣлить способнаго наставника, которому жалованье производить изъ положенной по уставу каѳедры Богословія».

«2. По факультету нравственно - политическихъ наукъ оставить по прежнему въ должности профессоровъ Солнцева и Кондырева и адъюнкта Манассеина; профессоровъ же барона Врангеля, Цеплина, Срезневскаго удалить отъ должности.

«3. По факультету физико-математическихъ наукъ оставить въ должности профессоровъ Броннера, Бартельса, Фукса, Никольскаго, Лобачевскаго Николая, адъюнкта Дунаева и магистра Кайсарова, токмо каѳедры раздѣлить между ними по способностямъ и познаніямъ ихъ, разумѣя сіе неиначе о двухъ послѣднихъ. Симоновъ оставленъ здѣсь по случаю послѣдовавшаго отправленія его въ дальнюю морскую экспедицію, въ качествѣ астронома. Профессора же Брейтенбаха удалить».

«4. По факультету врачебныхъ наукъ профессора Вердерамо оставить въ должности, и всѣ предметы прочихъ ка-

ѳедръ раздѣлить, по удобности, между имъ и профессоромъ Фуксомъ, впредь до опредѣленія другихъ. Профессора Арнгольда удалить отъ должности; студенту Отсолигу запретить преподаваніе».

«5. По факультету словесныхъ наукъ, о профессорѣ Яковкинѣ представить особую записку на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества (по коей повелѣно уволить Яковкина безъ пенсіи, по безпорядкамъ найденнымъ въ его управленіи). Профессора Германа и Эриха, по старости ихъ, уволить отъ службы съ пенсіономъ. Профессора Томаса уволить. Профессоровъ Городчанинова и Перевощикова оставить при университетѣ, поручивъ имъ каѳедры по способностямъ ихъ и замѣтивъ о лучшемъ впредь выборѣ твореній для разбора въ видѣ образцовъ. Лекторовъ Краузе и Хальфина оставить при должностяхъ».

«6. По части такъ называемыхъ дополнительныхъ курсовъ, адъюнктовъ Тимьянскаго, Лобачевскаго Алексѣя, Юнакова и Булыгина и магистра Самсонова распредѣлить по каѳедрамъ, сообразно познаніямъ и способностямъ ихъ, самый же дополнительный курсъ при университетѣ вовсе уничтожить. (Должно замѣтить что адъюнктъ Химіи Алексѣй Лобачевскій во время ревизіи Магницкаго не былъ въ Казани; онъ былъ отправленъ въ это время въ путешествіе по Сибири для описанія тамошнихъ заводовъ и рудниковъ и для обозрѣнія училищъ).

«7. Для экономической, полицейской и нравственной части опредѣлить при университетѣ особаго чиновника, подъ наименованіемъ директора, какъ сему положено быть при С.-Петербургскомъ университетѣ. За симъ ученая и учебная часть вѣдома будетъ отдѣльно ректоромъ, по уставу избираемымъ. Въ такомъ состояніи университета, при особомъ руководствѣ попечителя, послѣдуетъ преобразованіе всѣхъ частей и размѣщеніе по способностямъ остающихся профессоровъ. Предположенія же къ таковому преобразованію и исправленію разныхъ частей университета учиненныя, представятся предварительно попечителемъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія на усмотрѣніе и утвержденіе».

Для Казанскаго университета настала новая эпоха жизни, эпоха такъ называемаго его обновленія.

Разсматривая исторію нашего университета, мы не можемъ не сознаться, что до ревизіи Магницкаго, онъ былъ далеко не въ хорошемъ состояніи, что Магницкій, въ бумагѣ, данной Совѣту послѣ ревизіи, вѣрно понялъ и выразилъ состояніе университета, что онъ по достоинству оцѣнилъ профессоровъ; — но Магницкій ложно понялъ причины найденнаго имъ неустройства. Неустройства въ университетѣ, съ самыхъ первыхъ дней его существованія, происходили сначала отъ покровительства Яковкину, располагавшему дѣлами университета совершенно по своему произволу и часто въ ущербъ всякой справедливости, отчего энергія и дѣятельность лучшихъ преподавателей неминуемо должна была пропадать; а потомъ, и главнымъ образомъ, неустройство это зависѣло отъ наплыва изъ за границы нѣмецкихъ профессоровъ, незнакомыхъ не только съ русской жизнью, но и съ русскимъ языкомъ, которые не могли вполнѣ предаться дѣлу устройства русскаго университета, для нихъ совершенно чуждаго, и образованію русскаго юношества, къ которому они не чувствовали никакой симпатіи. Они пріѣзжали въ Россію только для того, чтобы по возможности больше обогатиться, чего и добивались всѣми мѣрами. Конечно мы не говоримъ о нѣкоторыхъ личностяхъ, составлявшихъ исключеніе, какъ напримѣръ профессоры Бартельсъ и Броннеръ, но большинство было дѣйствительно таково.

Магницкій, правда, понялъ, что причиною зла въ нашемъ университетѣ былъ сначала Яковкинъ, а затѣмъ нѣмцы профессоры; но онъ понялъ это, благодаря ходившимъ въ то время идеямъ, совершенно въ ложномъ смыслѣ. Въ одномъ изъ своихъ представленій министерству онъ писалъ: «Весь вредъ, въ университетахъ нашихъ замѣченный, произошелъ отъ образованій, книгъ и людей, изъ германскихъ университетовъ заимствованныхъ. Тамъ зараза невѣрія и началъ возмутительныхъ, возникшая въ Англіи, усиленная въ прежней Франціи, сдѣлалась полною системою и такъ сказать классическою. Тамъ поддерживается она самымъ вѣроисповѣданіемъ и нынѣ зрѣетъ въ всей силѣ. Науки и литература сѣверной Германіи такъ заражены сею язвою, что съ величайшею осторожностію только употреблямы быть могутъ».

Магницкому представилось, что отъ этого то невѣрія страдаетъ и нашъ университетъ, что все его неустройство, безпорядки въ Совѣтѣ, распущенность студентовъ—все зави-

сить отъ нечестія преподавателей, отъ преподаванія, основаннаго на какихъ то разрушительныхъ началахъ. И онъ рѣшился возсоздать университетъ Казанскій на началахъ новыхъ, такимъ образомъ чтобы, какъ онъ выражался, «совокупить неразлучно то, что съ гибельнаго 17-го столѣтія до нашихъ дней столько злыхъ и обширныхъ геніевъ навсегда раздѣлить и противупоставить старались: *вѣру и просвѣщеніе*»; чтобы «не умозрѣніями, но живымъ примѣромъ цѣлаго сословія, примѣромъ обширнѣйшаго округа изъ нѣсколькихъ царствъ, изъ многихъ племенъ, изъ 8 милліоновъ жителей составленнаго, дѣйственно доказать, что богохульныя умертвованія чужеземцевъ о невозможности соединить вѣру съ просвѣщеніемъ суть ложь, мракъ и неистовство!».

Для достиженія этой цѣли, этого идеала университета, Магницкій хлопочетъ о назначеніи директора въ университетъ, т. е. чиновника обязаннаго, наблюдать нетолько за направленіемъ и духомъ преподаванія, основаннаго на христіянскомъ благочестіи, не только за нравственностью студентовъ, но и за нравственностью самихъ преподавателей. Онъ составляетъ для студентовъ правила самаго строгаго аскетизма, правила, которыя могли быть примѣнимы развѣ только въ самомъ строгомъ отшельническомъ братствѣ. Провинившіеся изъ нихъ названы грѣшниками, карцеръ для нихъ замѣнился «комнатою уединенія» съ изображеніемъ страшнаго суда на стѣнахъ. Объ этихъ грѣшникахъ должны возноситься въ храмѣ молитвы, къ нимъ посылается духовникъ для увѣщаній.

Чтобы уничтожить въ студентахъ духъ самонадѣянности и высокомѣрія и развить духъ смиренія и уничиженія, заведено по торжественнымъ праздникамъ приготовлять на университетскихъ дворахъ обѣденные столы для нищей и убогой братіи, и за столами этими прислуживать студентамъ.

Награды и медали стали выдаваться студентамъ не за познанія ихъ въ наукахъ вообще, а въ особенности за Богопознаніе и благочестіе.

Магницкій даетъ инструкціи директору и ректору университета, стѣснявшія всякую свободу нетолько слова, но и мысли и заставлявшую преподавателей лицемѣрно искажать науку.

Отъ преподавателей онъ требуетъ, чтобы главнымъ источникомъ своихъ лекцій, если только возможно, они брали

св. Писаніе; чтобы преподаваніе умозрительныхъ наукъ было только въ обличительномъ смыслѣ; чтобы преподаватели естественныхъ наукъ старались искоренить въ слушателяхъ пагубную мысль о прочности законовъ мірозданія. Отъ нихъ требовалось болѣе всего, чтобы вездѣ и всегда они были примѣромъ благочестія, и тотъ былъ первымъ у Магницкаго, кто болѣе другихъ старался выказать подвиги этого видимаго благочестія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто увѣренный въ правотѣ и непогрѣшимости своихъ взглядовъ, Магницкій, необращалъ никакого вниманія на права университета: онъ давалъ профессорамъ каѳедры и оклады совершенно по своему прозволу. (Такъ Эйхвальдъ былъ опредѣленъ въ 1823 г. профессоромъ повивальнаго искуства, съ порученіемъ ему и каѳедры зоологіи; такъ Городчанинову, профессору краснорѣчія, сверхъ его каѳедры поручается преподаваніе Естественнаго права). Онъ переводилъ ихъ съ одной каѳедры на другую, давалъ своимъ любимцамъ двойные и даже тройные оклады, опредѣлялъ профессорами лицъ, которые не имѣли на то никакого права, (какъ напримѣръ Жобаръ, Мистаки, Сергѣевъ и др.), а иногда даже и лицъ которые сами незнали, пріѣзжая въ Казань, *что* они будутъ преподавать, (какъ напримѣръ адъюнктъ Пеллатье, котораго Магницкій опредѣлилъ въ 1823 г. въ университетъ «съ порученіемъ ему каѳедры химіи и *одной изъ медицинскихъ каѳедръ, какая найдется по прибытіи его на мѣсто*». По прибытіи въ Казань оказалось, что ему можно поручить каѳедру Хирургіи).

Инспекторомъ студентовъ и директоромъ педагогическаго института, который былъ обязанъ руководить кандидатовъ и магистровъ въ педагогикѣ, вмѣсто Броннера, уволеннаго изъ университета за неявку изъ заграницы, куда онъ былъ отпущенъ въ 1819 году,—Магницкій назначилъ сначала какого то чиновника надворнаго совѣтника Барсова, а въ 1823 году вмѣсто Барсова—другаго чиновника Василевскаго, служившаго прежде въ почтовомъ департаментѣ. Можно представить себѣ-какъ могли эти люди вести педагогическій институтъ.

Суммами университета Магницкій также распоряжался совершенно произвольно. Живя въ Петербургѣ, онъ самъ, по своему усмотрѣнію, покупалъ для университета разныя вещи, книги, учебныя пособія и проч., которыя присылалъ въ уни-

верситетъ, предписывая ему только уплачивать за нихъ деньги. Случалось даже, что Магницкій и самъ не зналъ для какого употребленія могутъ служить купленныя имъ вещи; такъ въ 1823 году онъ купилъ у художника Тирона рисунки на 174 рубля, которые препроводилъ въ университъ, предлагая выслать ему за нихъ деньги и увѣдомить въ тоже время—для какого заведенія они могутъ быть полезны?

Право избранія ректора также было нарушаемо Магницкимъ. Сначала былъ утвержденъ въ этой должности Солнцевъ, выбранный проректоромъ по смерти Брауна, но вскорѣ въ 1820 г. былъ уволенъ изъ университета, послѣ извѣстнаго надъ нимъ процесса о преподаваніи имъ Естественнаго права, основанномъ будтобы на разрушительныхъ началахъ (¹). Послѣ Солнцева былъ избранъ ректоромъ Никольскій; но когда въ іюнѣ 1823 года Никольскій снова былъ избираемъ въ ректоры, то Магницкій, на представленіе объ этомъ, отвѣчалъ, что онъ еще въ мартѣ ходатайствовалъ объ утвержденіи Никольскаго директоромъ, а Фукса ректоромъ университета, и что эти лица уже Высочайшимъ приказомъ и утверждены въ сихъ должностяхъ. Въ 1825 г. Магницкій снова ходатайствуетъ объ утвержденіи Фукса ректоромъ университета уже на три года. Во всеподданнѣйшимъ докладѣ объ этомъ министра народнаго просвѣщенія Шишкова читаемъ: «Попечитель Казанскаго учебнаго округа Д. С. С. Магниц-

---

(¹) Первымъ поводомъ, послужившимъ къ преслѣдованію Солнцева, котораго сначала такъ хвалилъ Магницкій, было мнѣніе, представленное имъ о сочиненіи Городчанинова «Мнѣніе христіянина о естественномъ правѣ»; сочиненіе это чрезвычайно понравилось Магницкому, который говорилъ объ немъ, что оно произведетъ совершенный переворотъ въ естественномъ правѣ, и что не только Россія, но и другія государства вѣроятно послѣдуютъ этому направленію! Между тѣмъ Солнцевъ, преподаватель естественнаго права, отозвался объ этомъ сочиненіи явно иронически, говоря что «можно основать и систематически изложить истины какъ частнаго, такъ и народнаго и публичнаго естественнаго права на началѣ заключающемся въ словахъ Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа: *Вся елика хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такождѣ; тою бо мѣрою, ею же мѣрите, возмѣрится и вамъ*». Причемъ прибавляетъ что «ежели г. сочинитель хочетъ предать рукопись свою тисненію, то, на основаніи законныхъ постановленій, имѣетъ онъ право обратиться въ духовный цензурный комитетъ, поколику рукопись его содержитъ въ себѣ предметы, подлежащіе духовной цензурѣ».

кій представилъ, что профессоръ Фуксъ, будучи утвержденъ ректоромъ срокомъ на одинъ годъ, по примѣру профессора Солнцева, который въ 1819 году утвержденъ былъ ректоромъ также на одинъ годъ, для усмотрѣнія его способностей,—совершенно оправдалъ избраніе его въ сіе званіе, почему и проситъ объ утвержденіи его ректоромъ Казанскаго университета впредь на три года».—Между тѣмъ Фуксъ не былъ избираемъ въ ректоры Совѣтомъ университета; онъ былъ избранъ въ эту должность Магницкимъ.

Кромѣ того Магницкій, съ самаго начала своего управленія университетомъ, поставилъ его въ крайне унизительное положеніе. Когда въ іюнѣ 1819 года произведены были окончательные экзамены и протоколы испытаній были представлены Магницкому, онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ далъ Совѣту предложеніе, въ которомъ писалъ: «разсмотрѣвъ протоколы представленные мнѣ отъ 27 іюля, объ экзаменахъ студентовъ, при окончаніи нынѣшняго академическаго года произведенныхъ, и находя:

1) Что число произведенныхъ въ кандидаты прямо изъ студентовъ весьма значительно, чего по извѣстному состоянію университета едвали можно было предполагать, тѣмъ болѣе, что производить прямо въ кандидаты положено только за отличнѣйшія познанія;

2) Что самое испытаніе студентовъ въ знаніи наукъ сдѣлано весьма слабо, не всегда въ должномъ порядкѣ и отчасти такими профессорами, кои сами, по неспособности ихъ, были здѣсь исключены уже изъ университета;

3) Не всѣ студенты рекомендованы въ поведеніи и проч., я обратился съ вопросомъ къ г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, почитать ли, по вышеизложеннымъ причинамъ, экзамены сіи и производство по онымъ въ ученыя степени дѣйствительными?

«Нынѣ г. министръ увѣдомилъ меня, что по разсужденіи о семъ въ главномъ училищъ правленіи опредѣлено отмѣнить прежній экзаменъ; всѣмъ вообще нынѣшняго выпуска студентамъ произвести оный вновь, въ присутствіи директора университета и пр.».

Такъ какъ всѣ тогда окончившіе курсъ уже получили въ это время свидѣтельства, а многіе уѣхали изъ Казани и поступили на службу, то вскорѣ Магницкій снова писалъ университету «дабы выданныя свидѣтельства отобраны были

у тѣхъ кандидатовъ, кои, будучи казеннокоштными, остались въ службѣ по вѣдомству Казанскаго университета. Относительно же своекоштныхъ, то и объ оныхъ, если кто изъ нихъ находится въ Казани, университетъ отнесся бы къ мѣстному начальству, дабы оно отобравъ отъ нихъ свидѣтельство доставило оныя въ университетъ. Между тѣмъ о поступившихъ на службу въ другія вѣдомства внѣ Казани министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало сношеніе съ министерствомъ юстиціи объ отобраніи и отъ нихъ свидѣтельствъ и о лишеніи пріобтенныхъ ими званій, если они не пожелаютъ подвергаться вторичному испытанію».

Къ чести окончившихъ тогда курсъ студентовъ должно сказать, что всѣ они явились на вторичное испытаніе, несмотря на матеріальные недостатки и дальность разстоянія для многихъ отъ мѣстъ куда они поступили на службу, и всѣ оправдали выданныя имъ свидѣтельства. Участи этой случайно избѣгнулъ одинъ только изъ тогдашнихъ студентовъ — Михаилъ Темниковъ, который тотчасъ по окончаніи курса уѣхалъ на службу въ Уральскъ, и поступивъ потомъ въ 1826 году въ Илецкое соляное управленіе, тутъ только узналъ, что аттестатъ выданный ему изъ университета считается не дѣйствительнымъ. По ходатайству министра финансовъ, Темниковъ однако былъ уволенъ отъ вторичнаго испытанія.

Магницкій могъ бы легко избѣгнуть такого униженія университета, если бы, при ревизіи его, приказалъ пріостановиться окончательными экзаменами.

Вся эта система привела Казанскій университетъ въ то жалкое положеніе, въ которомъ мы видимъ его во время управленія Магницкаго. Неумолимо каралъ Магницкій не только ослушниковъ своей воли, но и тѣхъ которые осмѣлились бы высказать мнѣніе отличное отъ взглядовъ его; дѣла Солнцева, Пальмина и другихъ служатъ тому яснымъ свидѣтельствомъ,— и не было защиты нигдѣ—министерство явно раздѣляло взгляды Магницкаго. Магницкому можно было угодить только безпрекословнымъ повиновеніемъ его волѣ, смиреніемъ и подвигами благочестія. И большинство преподавателей старалось всѣми мѣрами выказать свое христіанское смиреніе и благочестіе; всѣ отказались даже отъ употребленія вина и на именинныхъ обѣдахъ позволяли себѣ пить здоровье только медомъ. Совѣтъ университета даже видимые обряды

благочестія облекъ въ бумажную форму. Служа ежегодно благодарственные молебны 17 генваря, по случаю утвержденія инструкцій директору и ректору университета, Совѣтъ составлялъ объ этихъ молебствіяхъ протоколы, подъ которыми заставлялъ подписываться самихъ священнодѣйствовавшихъ. Избирая, по указанію Магницкаго, почетныхъ членовъ университета, совѣтъ въ протоколахъ и дипломахъ на эти званія, старался выставить благочестіе, христіанскія чувствованія, образъ кротости и пр. избираемаго.

Занятые постоянною мыслью угодить взглядамъ и направленію, требуемымъ Магницкимъ, профессоры упустили изъ виду прямыя свои обязанности. Преподаваніе шло дурно; отчетность по ввѣреннымъ имъ заведеніямъ была въ такомъ состояніи, что еще въ 1833 и 1834 году имъ пришлось перебирать дѣла старыя, отписываться и отплачиваться вслѣдствіе начетовъ, сдѣланныхъ на многихъ изъ нихъ особою коммиссіею, которая, по удаленіи Магницкаго, была назначена для повѣрки счетовъ Казанскаго университета. Только манифестъ по случаю коронованія Императора Николая избавилъ ихъ отъ денежныхъ взысканій, а впослѣдствіи, благодаря Пушкину, и изъ формулярныхъ списковъ ихъ изглажены были слѣды этихъ начетовъ, какъ позорнаго пятна ихъ раболѣтства передъ Магницкимъ (1).

Слогъ, который мы встрѣчаемъ въ протоколахъ засѣданій Совѣта этого времени, показываетъ, какъ Совѣтъ старался угодить направленію требуемому Магницкимъ. Такъ въ ноябрѣ 1821 года Магницкій писалъ совѣту, что инструкціи директору и ректору Казанскаго университета Высочайше утвереждены въ руководство и С. Петербургскому университету и предлагалъ войти, по этому поводу, въ сношеніе съ С. Петербургскимъ университетомъ. Совѣтъ постановилъ: «Привѣтствовать Им-

(1) Замѣчательно вліяніе времени Магницкаго на число студентовъ Казанскаго университета; изъ списковъ того времени мы видимъ, что число это, съ самаго времени назначенія Магницкаго попечителемъ, постоянно убывало. Такъ въ 1818—1819 году число всѣхъ студентовъ было 161, въ 1819—1820 году—156, въ 1820—1821 году—135, въ 1821—1822 году—106, въ 1822—1823 году—91, въ 1823—1824 году—88, въ 1824—1825 году—114. Такое постоянное уменьшеніе, безъ сомнѣнія, не случайно, а находится въ необходимой связи съ университетскимъ управленіемъ.

ператорскій С. Петербургскій университетъ въ духѣ братской любви съ новымъ его титломъ [1] и распространеніемъ на него 21 октября инструкцій директору и ректору Казанскаго университета тою же Высочайшею, Самодержавною властію Христолюбивѣйшаго Государя, побѣдителя, миротворца, законодателя, хранителя, покровителя и нѣжнаго отца своихъ вѣрноподданныхъ, растворяющаго судъ съ милосердіемъ,—которая для блага истиннаго просвѣщенія, на христіанскомъ благочестіи основаннаго, даровала ихъ 17 генваря 1820 года Казанскому университету, познающему на самомъ дѣлѣ спасительное ихъ вліяніе въ пріобщеніи къ ученію и житію древнихъ святыхъ отецъ и апостоловъ, у которыхъ сердца и души, согрѣваемыя и оживотворяемыя Св. Духомъ, были едино, всероссійскихъ благочестивыхъ князей и государей, великихъ іерарховъ и святителей, которые, при всемъ своемъ просвѣщеніи, смиренно полагали вѣнцы и митры свои и съ благоговѣйнымъ страхомъ и любовію преклоняли колѣна, умъ и сердце предъ престоломъ Сущаго иже бѣ и грядущаго Отца свѣтовъ, Агнца закланнаго, отъ сложенія міра искупльшаго ихъ честною кровію своею и сотворшаго цари и іереи—и воздавали Ему единому всю честь, хвалу, славу и благодареніе».

Такой слогъ Совѣтъ университета принялъ въ своихъ протоколахъ уже довольно рано. Уже въ 1820 году, представляя Магницкому записку о причинахъ малоуспѣшности учениковъ въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, Совѣтъ университета въ концѣ этой записки прибавляетъ: «что же касается до образованія таковыхъ учителей, къ которымъ бы прямо можно было отнести слова св. писанія—*вы есте соль земли и свѣтъ міру, такъ свѣтящійся предъ человѣками, что они видя добрыя дѣла ваши прославляютъ Отца небеснаго* — сіе предоставить *Богомудрому* управленію Высшаго начальства и по мѣрѣ силъ, возможности и дарованій всѣмъ безъ изъятія училищнымъ чиновникамъ къ тому содѣйствовать и непрестанно молиться Отцу Небесному, да пріидетъ и посѣтитъ винограды свои, да пріидетъ царствіе Его, и да будетъ воля Его яко на небеси и на земли».

---

[1] С.-Петербургскій университетъ получилъ при этомъ титло Императорскаго, котораго онъ прежде не имѣлъ.

Вѣрилъ ли Магницкій искренности этого настроенія Казанскаго университета, или притворялся, что вѣрилъ, желая угодить господствовавшему тогда направленію въ министерствѣ, мы судить положительныхъ данныхъ не имѣемъ.

Слѣдующій случай заставляетъ однакоже думать, что и самъ Магницкій, въ дѣлѣ преобразованія университета, поступалъ не по своему искреннему убѣжденію. Въ 1822 году онъ писалъ директору университета, что, вслѣдствіе застигшей его распутицы, онъ долженъ отложить свою поѣздку въ Казань до мая мѣсяца, а теперь посылаетъ списокъ съ той бесѣды, которую намѣревался предложить Совѣту въ чрезвычайномъ его собраніи, причемъ присовокупляетъ «*По общимъ соображеніямъ духа казанскаго университета съ движеніемъ главнаго управленія учебнаго*, нужно опредѣлительною чертою разграничить прошедшее отъ новаго періода се.о сословія, въ которомъ предлежитъ ему доказать, что воспитаніе на благочестіи, ясно и положительно утвержденное, не только не стѣсняетъ предѣла полезныхъ наукъ и просвѣщенія, но даетъ имъ новый блескъ и обширность, которая объемлетъ пространнѣйшія страны и благо разноплеменныхъ ея обитателей». Отсюда, какъ кажется, справедливо будетъ заключить, что если бы *движеніе главнаго управленія учебнаго* было иное, то *соображеніе духа казанскаго университета съ этимъ движеніемъ* привело бы Магницкаго къ инымъ и распоряженіямъ.

Во всякомъ случаѣ Магницкій всѣмъ старался показать, что онъ вѣритъ искренности благочестиваго настроенія Казанскаго университета и вѣритъ, что вмѣстѣ съ этимъ настроеніемъ начинаетъ процвѣтать Казанскій университетъ. Въ 1822 году въ бесѣдѣ о которой мы упомянули, сдѣлавъ разграниченіе между прошедшимъ и новымъ состояніемъ университета, Магницкій пишетъ: «Меня спрашивали, какимъ образомъ можетъ университетъ идти съ столь малымъ числомъ преподавателей? — Онъ шелъ однакоже дѣйствительно и ни на минуту не останавливался, вмѣсто снисходительности, мы усиливали строгость студентскихъ экзаменовъ, мы требовали отъ гимназій лучшихъ успѣховъ; мы ревизовали весь округъ самымъ строгимъ образомъ во всѣхъ его частяхъ» «Сія чудная черта особеннаго промысла Божія и удивительныхъ трудовъ и усердія вашего, есть златая страница въ исторіи Казанскаго университета. Она не отъемле-

мая и драгоцѣнная собственность каждаго изъ васъ. Ее прочтетъ потомство не въ одной уже исторіи здѣшняго сословія, а въ исторіи народнаго просвѣщенія отечества нашего, ибо вамъ предоставлено положить важнѣйшую въ немъ эпоху».

«Промыслъ Божій чудесно возвелъ университетъ Казанскій изъ разстройства, уничиженія и стыда — въ порядокъ, въ славу, въ примѣръ всѣмъ прочимъ. Взоры имперіи, подстерегающее и боязливое вниманіе невѣрія и вѣроятно уже вниманіе Европы устремлены на васъ!»

Между тѣмъ время шло, министерство Голицына замѣнилось министерствомъ Шишкова; во всемъ предвидѣлись и уже чувствовались перемѣны; начались жалобы на порядки, заведенные въ университетѣ Магницкимъ, стали разсматриваться его отчеты, а Магницкій, переживъ министерство Голицына, при которомъ онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ, имѣлъ несчастіе не понять новаго времени, новаго направленія, *не сообразилъ духъ казанскаго университета съ движеніемъ главнаго управленія учебнаго* и палъ отъ того оружія, которымъ самъ всегда думалъ добиться почестей и славы,—отъ интриги. Если вѣрить воспоминаніямъ Панаева, то первымъ, если не главнымъ поводомъ къ преслѣдованію Магницкаго, было злословіе на министра Шишкова, слышанное будто бы въ Казани отъ Магницкаго одною дамой, которая, какъ разсказываетъ Панаевъ, рано утромъ, даже не дождавшись своей кареты, пошла разсказать объ этомъ другой, которая написала въ Петербургъ, и т. д. Приближенные министра воспользовались этимъ и уронили окончательно Магницкаго въ его глазахъ (¹).

Вслѣдствіе этого, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Императора Николая, именно въ генварѣ 1826 года, назначено было по Высочайшему повелѣнію, генералъ-маіору Желтухину осмотрѣть Казанскій университетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ помощь ему, какъ незнакомому съ хозяйственной частью, былъ прикомандированъ чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія Есиповъ.

(¹) Впрочемъ Панаевъ и здѣсь, также какъ и вездѣ, старается приписать себѣ главную роль въ дѣлѣ объ удаленіи Магницкаго. (Вѣстникъ Европы 1867 года, декабрь).

Мы не будемъ подробно описывать ревизію произведенную Желтухинымъ, и показавшую вполнѣ то бѣдственное состояніе, въ которое приведенъ былъ Магницкимъ и безъ того неустроенный Казанскій университетъ, но мы должны обратить вниманіе на одно изъ донесеній Желтухину ректора университета Фукса, такъ какъ это донесеніе ярко обрисовываетъ тотъ способъ преподаванія и надзора за нимъ, а равно и за преподавателями, который былъ заведенъ въ Казанскомъ университетѣ во время Магницкаго.

Между различными свѣдѣніями, которыя Желтухинъ еще въ началѣ ревизіи потребовалъ отъ ректора, были профессорскіе конспекты, которые по уставу должны были представляться при началѣ каждаго академичаскаго года (1). Мы незнаемъ, почему эти конспекты не были представлены, но на вторичное требованіе Желтухина Фуксъ представилъ ему донесеніе слѣдующаго содержанія:

«По силѣ 2 отдѣленія 4 и 5 статьи Высочайше утвержденной инструкціи для ректора университета, руководство его духомъ и направленіемъ всѣхъ преподаваній университета не есть единовременное, въ извѣстные сроки академическаго года, но ежедневное и можно сказать непрестанное, и потому, во все время отправленія имъ (ректоромъ) настоящей должности, онъ, въ полномъ смыслѣ Высочайше утвержденной для него инструкціи, руководствовалъ направленіемъ всѣхъ преподаваемыхъ въ университетѣ наукъ слѣдующими средствами:

«1) Личнымъ, сколько можно ближайшимъ познаніемъ образа мыслей и даже чувствъ каждаго изъ преподавателей; для сего старался онъ привлекать ихъ къ короткому въ домѣ своемъ знакомству и, кромѣ приглашенія, навсегда имѣлъ назначенные дни для обѣдовъ и бесѣдъ у себя. Симъ сред-

---

(1) Ѳеоктистовъ, въ статьѣ своей о Магницкомъ, говоритъ, что Магницкій не требовалъ отъ профессоровъ Казанскаго университета этихъ конспектовъ. Но это несправедливо; нѣкоторые изъ профессоровъ дѣйствительно не представляли конспектовъ, но имъ постоянно напоминалось объ этомъ; большинство же профессоровъ представляли конспекты, которые разсматривались ректоромъ, директоромъ, а потомъ и Магницкимъ. Многіе изъ этихъ конспектовъ хранятся въ дѣлахъ университетскаго архива и представляютъ живые образцы того, какъ профессора, въ изложеніи своей науки, старались держаться того направленія, которое требовалось Магницкимъ.

ствомъ въ свободѣ приватныхъ и пріятныхъ отношеній открывается безъ принужденія образъ мыслей каждаго и онъ легко могъ изучать направленіе ихъ мнѣній, гораздо надежнѣе, нежели въ конспектахъ, часто изъ чуждыхъ разсужденій заимствованныхъ, и всегда не довольно надежныхъ, ибо преподаватель, въ самомъ преподаваніи, легко удалиться отъ нихъ можетъ». Ректоръ завѣряетъ далѣе, что «долговременный опытъ въ вѣрности сихъ средствъ оправдалъ его избраніе. Ректоръ можетъ удостовѣрить, что не только въ преподаваніяхъ въ Казанскомъ университетѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего ни прямо, ни косвенно противнаго духу правовѣрія и правительства, но даже всѣ науки, поколику каждая изъ нихъ къ тому способна, направлены, не нарушая ихъ точности, къ совершенному согласію съ вѣрою и правительствомъ отечественнымъ». Говоря о самыхъ способахъ преподаванія наукъ въ Казанскомъ университетѣ, и сказавъ, что Богословіе преподается по конспектамъ, одобреннымъ епархіальнымъ начальствомъ, онъ представляетъ картину преподаванія каждой науки отдѣльно: онъ говоритъ:

«Преподаваніе наукъ философскихъ ограждено отъ всякой опасности преподаваніемъ курса самого простого (Баумейстера), принятого нынѣ и для духовныхъ нашихъ училищъ.

«Въ наукахъ политическихъ университетъ Казанскій, исключительно отъ всѣхъ прочихъ, преподаетъ, согласно съ Высочайше утвержденными для него инструкціями, науку права естественнаго *въ отличительномъ смыслѣ*.

«Прочіе же предметы правъ, по соединеніи ихъ въ одну каѳедру, преподаетъ онъ съ слѣдующими отъ прочихъ университетовъ отмѣнами: всю часть теоретическую сей науки, все что не можетъ быть изъ правъ древнѣйшихъ народовъ, и даже Римскаго, приложено къ россійскому законодательству, проходитъ онъ въ связи, но кратко, не теряя времени курса ни на тщетныя умозрѣнія теоріи правъ, ни на познанія безполезныя для русскаго, употребляя какъ можно болѣе времени на изученіе законодательства и судопроизводства отечественнаго.

«Въ наукахъ физико-математическихъ приняты слѣдующія мѣры предосторожности: а) въ Физикѣ преподаватель ограничивается сообщеніемъ сей науки самымъ точнымъ, и сколь возможно болѣе опытнымъ; b) отъ наукъ естественныхъ

отнята Геологія, какъ наука въ нынѣшнихъ ея системахъ вулканистовъ и нептунистовъ совершенно противная св. писанію; с) Астрономія преподается по новѣйшимъ сочиненіямъ теоретически и практически во всей обширности, и притомъ такимъ образомъ, что все то, что не подтверждено наблюденіями, или не основано на точныхъ математическихъ вычисленіяхъ, т. е. всѣ математическія умствованія, какъ напр. о составѣ небесныхъ тѣлъ и обитателяхъ планетъ и т. п. изъяты изъ сей науки».

«Словесность россійская и древнихъ языковъ преподается на точномъ основаніи инструкцій; а въ разсужденіи восточной наблюдается та осторожность, чтобы упражненія преподавателя были переводимы на латинскій языкъ для разсмотрѣнія въ совѣтѣ, который и имѣлъ уже случай остановить одно сочиненіе несогласное съ духомъ инструкціи».

Въ преподаваніи Исторіи, наиболѣе способномъ къ разнымъ косвеннымъ внушеніямъ, обнадежено доброе преподаваніе слѣдующими средствами: а) избранъ профессоръ, коего благочестіе и добрый духъ совершенно извѣстны (Булыгинъ); b) онъ принялъ въ руководство Священныя книги, Боссюэта, Ролленя и другихъ подобныхъ имъ, по доброму духу ихъ, авторовъ; с) въ преподаваніи всеобщей исторіи, согласно съ 4-ю ст. 8-го отд. Высочайше утвержденной инструкціи ректору, въ противоположность славныхъ язычниковъ, представляетъ онъ многіе примѣры изъ бытописаній Церкви православной и особенно, сколько то возможно, изъ исторіи Россійской».

«При преподаваніи врачебныхъ наукъ ректоръ (онъ былъ и преподаватель почти всѣхъ медицинскихъ наукъ) всячески старался отвергать тѣ вредныя дѣйствія нечестивой Шеллинговой философіи, которымъ нѣкоторые безумные врачи подвергались въ сочиненіяхъ физіологіи человѣческаго тѣла, дабы ученики не впали въ гибельный матеріялизмъ. Напротивъ, во всѣхъ врачебныхъ преподаваніяхъ имѣлъ онъ главнѣйшимъ предметомъ показать молодымъ медикамъ, что искуство врачеванія, безъ духа христіанской любви и милосердія, не можетъ имѣть благословенія Божія и остается безуспѣшнымъ при постеляхъ больныхъ».

«Впрочемъ то, что наиболѣе обнаруживаетъ доброе направленіе воспитанія въ Казанскомъ университетѣ есть: 1-е, стремленіе ученаго, нравственнаго и полицейскаго управленія къ

цѣли: *образованіе вѣрныхъ сыновъ церкви, вѣрныхъ подданныхъ Государю и полезныхъ людей отечеству*; и 2-е согласіе всего университетскаго сословія въ усерднѣйшемъ достиженіи сей высокой цѣли. Каждый членъ университета не только увѣренъ въ совѣсти своей, что сіе святое дѣло составляетъ точную его обязанность, но и въ томъ, что семилѣтній опытъ доказалъ, что цѣль сія успѣшно достигается».

Слѣдствія ревизіи произведенной Желтухинымъ извѣстны. Магницкій былъ уволенъ отъ должности попечителя и сосланъ въ Ревель. Должность директора университета, а равно и инструкціи директору и ректору, данныя при Магницкомъ, отмѣнены; монастырскій порядокъ въ жизни и занятіяхъ студентовъ уничтоженъ и они получили бóльшую свободу.

Вскорѣ послѣ того, именно 24 февраля 1827 года, исправляющимъ должность попечителя Казанскаго учебнаго округа назначенъ М. Н. Мусинъ-Пушкинъ.

Какъ уже мы сказали, во время ревизіи университета Магницкимъ, Лобачевскій преподавалъ чистую математику совмѣстно съ Бартельсомъ и Астрономію вмѣсто Симонова, уѣхавшаго сначала въ Петербургъ, и вскорѣ отправленнаго въ кругосвѣтное путешествіе; въ тоже время онъ читалъ и Физику за отъѣздомъ Броннера въ заграничный отпускъ.

Въ 1820 году, по увольненіи Броннера и по выходѣ изъ нашего университета Бартельса, Лобачевскій остался преподавателемъ всей чистой математики, физики и астрономіи. Должно удивляться огромной педагогической дѣятельности Лобачевскаго въ это время, тѣмъ болѣе, что и онъ, наравнѣ съ прочими профессорами, былъ обремененъ множествомъ экзаменовъ и репетицій, которыя должны были производиться студентамъ, по распоряженію Магницкаго, въ началѣ каждаго мѣсяца; онъ долженъ былъ представлять ежемѣсячно отчеты о всемъ пройденномъ, вѣдомости о прилежаніи, способностяхъ, успѣхахъ и въ особенности о поведеніи и нравственности своихъ слушателей—и выговоръ Магницкаго неминуемо слѣдовалъ, если бы эти аттестаціи разнились съ аттестаціями инспектора студентовъ и директора университета. Чрезмѣрные труды по преподаванію заставили однакоже Лобачевскаго отказаться въ 1821 г. отъ преподаванія опытной физики, которой лекціи были поручены вновь поступившему адъюнкту Кайсарову. Лобачевскій оставилъ за собой, кромѣ

математики и астрономіи, только преподаваніе математической физики, что продолжалось до 1824 — 1825 академическаго года, когда астрономія отошла къ профессору Симонову, а физика къ профессору Купферу.

Кромѣ того, Лобачевскій еще въ 1818 году былъ избранъ членомъ училищнаго комитета, а эта обязанность въ время Магницкаго была чрезвычайно тяжела. Всѣ дѣла, касавшіеся какъ училищъ, такъ и гимназій шли чрезъ училищный комитетъ и какая нибудь ошибка, или даже недосмотръ подвергались выговору, замѣчанію и насмѣшкамъ Магницкаго. Члены училищнаго комитета должны были отвѣчать не только за познанія опредѣляемыхъ ими учителей, но и за ихъ нравственность и хотя аттестація нравственности отошла въ 1820 году къ директору университета, по были подняты даже старыя дѣла, особенно по поводу представленій директоровъ объ увольненіи того или другого учителя за неспособностью или по поступкамъ, неприличнымъ званію наставника. Можно представить себѣ множество дѣлъ возникавшихъ по этому поводу, если вспомнимъ, что во время Магницкаго отъ учителей требовалось болѣе всего христіанскихъ добродѣтелей, какой то особой нравственности и по крайней мѣрѣ видимаго благочестія. Отъ Магницкаго безпрерывно поступали, чрезъ совѣтъ университета, запросы училищному комитету: кто былъ виновникомъ опредѣленія такого то? чѣмъ руководствовались при этомъ? и проч. Члены училищнаго комитета должны были безпрестанно перебирать старыя дѣла, подъискивать справки и проч. И замѣчательно, что ничего изъ этой безчисленной переписки не выходило хорошаго; учителя оставались также плохи, никакихъ улучшеній сдѣлано не было; все только оставалось въ предположеніяхъ и проэктахъ. Магницкій былъ дѣятеленъ только для того, чтобы показать эту дѣятельность на бумагѣ передъ глазами министерства.

Но въ особенности тяжела была, въ нравственномъ отношеніи, обязанность Лобачевскаго, какъ члена Совѣта. Лобачевскій никогда и самъ не заискивалъ у начальства, не старался выставиться на глаза, не любилъ этого и въ другихъ. Въ то время, когда большинство членовъ Совѣта, въ угоду попечителю, готово было на самые беззаконные поступки (какъ это было напр. въ дѣлахъ Солнцева, Пальмина, Жобара), Лобачевскій безмолвно присутствовалъ въ засѣданіяхъ

Совѣта, безмолвно и подписывалъ протоколы этихъ засѣданій. Мы убѣждены, что тяжкая нравственная борьба должна была происходить въ честной и справедливой натурѣ Лобачевскаго; но это безмолвіе, эта нерѣшительность на протестъ лежитъ тяжелымъ пятномъ на памяти Лобачевскаго, и признаемся, милостивые государи, мы не находимъ въ этомъ случаѣ никакого оправданія Лобачевскому. Лобачевскій впослѣдствіи, вмѣстѣ съ прочими членами Совѣта, дорого поплатился, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, за свои безмолвныя подписи совѣтскихъ протоколовъ. Нѣсколько тысячь рублей, исчисленныхъ какъ убытокъ, понесенный Жобаромъ отъ выдачи ему незаконнаго аттестата Совѣтомъ университета, были, по рѣшенію Сената, взысканы съ членовъ, не подававшихъ протеста. По дѣлу профессора Пальмина, которому, при увольненіи изъ университета въ 1824 году, выданъ былъ, въ угоду попечителю, увольнительный видъ, совершенно несогласный съ прежними похвальными отзывами о немъ, Лобачевскому, равно какъ и прочимъ членамъ Совѣта еще въ 1834 году пришлось отвѣчать на разные вопросные пункты, между которыми одинъ замѣчателенъ своею наивностью: спрашивалось, почему члены Совѣта согласились, по предложенію попечителя, внести въ увольнительный видъ Пальмина не одобреніе его служебной дѣятельности, не подвергнувъ изслѣдованію, справедливы ли обвиненія, взводимыя попечителемъ на Пальмина? Подобный вопросъ конечно возможенъ былъ въ министерство Уварова, но никакъ не могъ имѣть мѣста по отношенію къ министерству кн. Голицына и попечительству Магницкаго.

Лобачевскій, по счастію, не былъ стѣсненъ инструкціями ректору и директору университета, ни въ своемъ преподаваніи ни въ своихъ научныхъ занятіяхъ; науки математическія не были подъ тѣмъ гнетомъ, который лежалъ, во время Магницкаго, на всѣхъ прочихъ. Лобачевскому не нужно было ломать свою науку, подводя ее подъ взгляды попечителя и министерства; — и въ то время, когда при Магницкомъ, всякая серьёзно научная дѣятельность въ Казанскомъ университетѣ совершенно прекратилась, Лобачевскій, въ полномъ смыслѣ одинъ, тѣмъ глубже, тѣмъ серьёзнѣе предавался своимъ любимымъ занятіямъ, чѣмъ больше извращенія представляла обыденная университетская жизнь. Въ 1825 году онъ представилъ на разсмотрѣніе факультета

Алгебру, которая назначалась имъ для руководства въ гимназіяхъ; вслѣдствіе одобренія факультета, Совѣтомъ было постановлено ходатайствовать передъ попечителемъ о напечатаніи этой книги на казенный счетъ и о введеніи ее въ гимназіяхъ. Но такъ велика была апатія Совѣта къ серьезнымъ ученымъ работамъ, что прошелъ годъ — и это постановленіе не было исполнено. Тогда Лобачевскій подалъ въ Совѣтъ просьбу, въ которой, излагая дѣло по представленію его сочиненія, онъ прибавляетъ: «но мнѣ извѣстно, что рукопись моя осталась не отосланной (къ попечителю). Сожалѣя о напрасномъ трудѣ, который я предпринялъ по требованіямъ же начальства, прошу покорнѣйше возвратить мнѣ сочиненіе, если встрѣтилось затрудненіе въ исполненіи постановленія Совѣта». Впослѣдствіи Лобачевскій напечаталъ это сочиненіе, уже бывши ректоромъ университета въ 1833 году.

Въ 1826 году Лобачевскій читалъ въ факультетѣ сочиненіе Exposition succincte des principes de la Géometrie etc; извлеченіе изъ этого сочиненія, сдѣланное самимъ авторомъ на русскомъ языкѣ, напечатано въ Казанскомъ Вѣстникѣ за 1829 и 1830 годъ. Здѣсь Лобачевскій коснулся вопросовъ Геометріи, которые занимали его всю жизнь, и рѣшеніе которыхъ доставило ему нынѣ столь громкую извѣстность за границею.

Административная дѣятельность Лобачевскаго началась съ 1820 г., когда, бывши еще экстра - ординарнымъ профессоромъ (ординарнымъ профессоромъ Лобачевскій былъ избранъ въ 1823 г.), онъ былъ избранъ деканомъ физико-математическаго факультета, послѣ выхода изъ Казанскаго университета профессора Бартельса, до того времени бывшаго деканомъ; въ этой должности Лобачевскій оставался до избранія его ректоромъ университета уже при Пушкинѣ въ 1827 году. Лобачевскій не былъ деканомъ, въ продолженіе этого періода времени, только одинъ годъ, именно въ 1822 году, когда на эту должность былъ избранъ Симоновъ (тогда деканы избирались ежегодно).

Время деканства Лобачевскаго также не осталось безслѣднымъ для Казанскаго университета. Въ 1820 году Лобачевскому было поручено отъ попечителя провѣрить и привести въ порядокъ библіотеку университета, расположить по наукамъ и составить ей полные каталоги. Профессоръ Коп-

дыревъ, который въ это время завѣдывалъ библіотекою, долженъ былъ при повѣркѣ вмѣстѣ и сдавать ее Лобачевскому. Трудъ предстоявшій Лобачевскому былъ огромный: каталоговъ въ библіотекѣ не существовало, а описи были въ такомъ безпорядкѣ, что по нимъ ничего нельзя было отыскать. Извѣстно было только, что библіотека университета должна была состоять изъ шести частей, а именно: 1) изъ книгъ, подаренныхъ послѣ Потемкина и Полянскаго, 2) изъ библіотеки Франковой, 3) изъ русскихъ книгъ, 4) изъ книгъ, пріобрѣтенныхъ на сумму библіотечную, 5) изъ библіотеки пожертвованной Зимняковымъ и 6) изъ остаточныхъ и незаписанныхъ въ описи книгъ и диссертацій; но все это было въ крайнемъ безпорядкѣ. Лобачевскій доносилъ Совѣту, что библіотека университета представляетъ только неопредѣленный запасъ книгъ, которыхъ провѣрка съ письменными дѣлами университета сопряжена съ великими трудностями и справками, которыя произвести должно почти за 20 лѣтъ. Притомъ сдачи и пріема библіотеки въ надлежащемъ порядкѣ никогда не было; бывшій библіотекарь профессоръ Стöрль умеръ, не сдавши библіотеки и послѣ него сю управляръ помощникъ его Кондыревъ.

Понимая всю важность для университета того порядка, въ которомъ находится его библіотека, Лобачевскій принялся за дѣло библіотеки со всею энергіею, къ которой былъ способенъ. По несчастію онъ не встрѣтилъ такой же готовности и той помощи, какую слѣдовало бы ожидать отъ завѣдывавшаго библіотекою профессора Кондырева. Кондыревъ старался отдалить по возможности провѣрку библіотеки, отговариваясь частію болѣзнью, частію занятіями по должности секретаря совѣта и по другимъ порученіямъ отъ начальства. Вслѣдствіе этого Лобачевскій, указавъ на подробности безобразія библіотеки, какъ выразился директоръ университета, долженъ былъ, на этотъ разъ, просить объ увольненіи его отъ обязанности приводить ее въ порядокъ.

Совѣтъ университета, соглашаясь съ тѣмъ, что Лобачевскій въ этомъ дѣлѣ встрѣтилъ дѣйствительно неодолимыя препятствія, рѣшился для провѣрки и приведенія въ порядокъ библіотеки составить, подъ предсѣдательствомъ ректора, цѣлую коммиссію, изъ членовъ: профессора Эрдмана, адъюнктовъ Кайсарова, Алекс. Лобачевскаго, Васильева, препо-

давателей Полиновскаго, Грацинскаго, Краузе и вновь выбранныхъ библіотекаря профессора Фукса и суббиблiотекаря адъюнкта Лентовскаго.

Но что Лобачевскому представило неодолимыя препятствія, того не могла преодолѣть никакая коммиссія, особенно во времена Магницкаго, когда пользы университета отошли совсѣмъ на задній планъ: дѣло библіотечное представляетъ тому живой примѣръ. Коммиссія принялась было за него по видимому чрезвычайно горячо; постановила правила, какимъ образомъ принимать библіотеку отъ Кондырева, которому не позволили даже ни входить въ библіотеку, ни выходить изъ нее безъ присутствія при этомъ одного изъ членовъ, Ал. Лобачевскаго, причемъ Ал. Лобачевскій долженъ былъ даже прикладывать къ библіотекѣ, по выходѣ изъ нее Кондырева, свою печать. Но все это ни къ чему не повело кромѣ ссоры Кондырева съ Ал. Лобачевскимъ. Коммиссія вскорѣ даже забыла о своемъ существованіи и библіотека осталась въ томъ же положеніи, въ какомъ она была и прежде. Въ 1825 году мы встрѣчаемъ такія свѣдѣнія о состояніи библіотеки. По поводу увольненія изъ университета адъюнкта Пеллатье, Совѣтъ университета обратился въ библіотеку съ вопросомъ—не числятся ли за Пеллатье какія нибудь книги? Помощникъ библіотекаря, кандидатъ Кондаковъ въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, отозвавшись, что ему неизвѣстно долженъ, или нѣтъ Пеллатье въ библіотеку, между прочимъ писалъ «что ординарный профессоръ Сергѣевъ, бывъ утвержденъ библіотекаремъ въ 1823 году, вступилъ въ полное управленіе библіотекою, не принявъ оной въ законномъ порядкѣ отъ предшественника своего, ординарнаго профессора, нынѣ ректора университета, Фукса, кромѣ книгъ, поступившихъ отъ купца Зимнякова. Управляя оною лично до своего отъѣзда въ отпускъ, т. е. до 4 февраля 1825 года, онъ бралъ многія сочиненія, изъ которыхъ иныя возвращены, а многія остаются доселѣ у него, но въ какомъ числѣ и какія именно ему, Кондакову, *за крайнимъ безпорядкомъ библіотеки, въ коемъ она нынѣ находится, даже и по догадкамъ неизвѣстно*».

Такое безпомощное положеніе библіотеки заставило Совѣтъ университета снова обратиться къ Лобачевскому и просить его принять на себя должность библіотекаря. Не смотря на многосложность своихъ занятій, Лобачевскій рѣшил-

ся принять эту должность: 8 октября 1825 года онъ былъ утвержденъ библіотекаремъ. Первымъ дѣломъ Лобачевскаго было составленіе каталоговъ библіотеки; почему онъ писалъ въ Совѣтъ, что считаетъ необходимымъ составить два каталога—одинъ систематическій по наукамъ, другой алфавитный для руководства библіотекаря; послѣдній онъ полагалъ писать такимъ образомъ: заглавія всѣхъ книгъ писать особо на осьмушкахъ листа, послѣ чего всѣ такіе листочки будутъ въ глазахъ библіотекаря замѣнять цѣлую библіотеку, представляя весьма большую удобность въ ихъ расположеніи по какой угодно системѣ. Лобачевскій сверхъ того представлялъ Совѣту, что на приведеніе въ порядокъ библіотеки потребуются расходы — на заведеніе каталоговъ, бумагу и вообще письмоводство, присовокупляя, что онъ проситъ обратить вниманіе на трудность и время, какія потребуются для приведенія библіотеки въ порядокъ и придумать средства облегчить то и сократить другое, раздѣливъ сколько нибудь занятія между членами университета. Совѣтъ университета одобрилъ всѣ предположенія Лобачевскаго, но и тутъ никакой помощи ему не оказалъ; Лобачевскій такимъ образомъ до 1827 года остался въ дѣлѣ о приведеніи въ порядокъ библіотеки совершенно одинъ. Въ 1827 году, по назначеніи Мусина Пушкина попечителемъ, Лобачевскій немедленно обратился за помощью къ нему, представивъ то бѣдственное положеніе въ которомъ находится библіотека. Пушкинъ тотчасъ же назначилъ новую комиссію для приведенія въ порядокъ библіотеки; въ эту комиссію назначены были, кромѣ Лобачевскаго, Булыгинъ, Кайсаровъ, Бранманъ, Бюрно и Казембекъ. При томъ коммиссіи предписано было каждую субботу доносить Пушкину о ходѣ занятіи. Благодаря этимъ мѣрамъ, въ 1828 году были окончены провѣрка и приведеніе въ порядокъ библіотеки по плану, предложенному Лобачевскимъ. Сколько возможно, были опредѣлены и дефекты, которыхъ въ разныхъ книгахъ оказалось на сумму до 750 рублей, а въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ на сумму до 4500 рублей. Виновнымъ въ первыхъ былъ признанъ бывшій библіотекарь профессоръ Фуксъ; но Совѣтъ просилъ сложить съ него взысканіе въ уваженіе того, что книги могли быть потеряны при троекратной переноскѣ библіотеки въ разныя мѣста, во время отстройки университетскихъ зданій. Что касается періодическихъ изданій, то,

какъ всѣ они получались черезъ попечителя Магницкаго и какъ онъ совершенно произвольно могъ присылать, или не присылать ихъ, какъ онъ и дѣлалъ, конечно ни одинъ изъ библіотекарей лично не былъ въ этомъ виноватъ.

Лобачевскій оставался библіотекаремъ университета до 1835 года. Всѣ помнятъ, въ какомъ отличномъ порядкѣ находилась тогда библіотека. Лобачевскій притомъ заботился всѣми мѣрами о пополненіи библіотеки; во время Магницкаго, можно сказать, почти ничего не выписывалось для библіотеки университета, кромѣ книгъ духовнаго содержанія, которыя вмѣстѣ съ книгами, имѣвшимися въ библейскомъ сотовариществѣ, учрежденномъ Магницкомъ при университетѣ, раздавались въ награды студентамъ. Лобачевскій, помимо суммы ассигнованной для пріобрѣтенія книгъ въ библіотеку, нѣсколько разъ просилъ и получалъ особыя суммы изъ министерства для пополненія библіотеки. Въ 1835 году онъ сдалъ ее Фойгту, котораго самъ и рекомендовалъ на должность библіотекаря.

Назначеніе Мусина Пушкина попечителемъ имѣло благодѣтельное вліяніе на Казанскій университетъ. Всѣ знаютъ что Пушкинъ былъ попечитель весьма строгій, какъ въ отношеніи къ профессорамъ, такъ и въ отношеніи къ студентамъ, въ томъ смыслѣ, что и отъ тѣхъ и отъ другихъ онъ требовалъ неуклоннаго исполненія ихъ обязанностей. Но онъ горячо любилъ Казанскій университетъ, и всѣми мѣрами стремился къ его возвышенію; при томъ Пушкинъ имѣлъ рѣдкую способность отличать вполнѣ достойныхъ людей; его дружбою и уваженіемъ пользовался только тотъ кто имѣлъ дѣйствительныя заслуги.

По вступленіи въ должность попечителя, Пушкинъ прежде всего обратилъ вниманіе на Лобачевскаго; въ немъ онъ видѣлъ единственнаго человѣка, вполнѣ преданнаго наукѣ и университету, и способнаго быть въ полномъ смыслѣ ему помощникомъ при устройствѣ университета. Въ это время ректоромъ университета былъ профессоръ Фуксъ, человѣкъ добрый, многими любимый, но совершенно не способный ни къ какой административной должности; онъ не имѣлъ ни малѣйшей энергіи; въ бурныхъ засѣданіяхъ Совѣта временъ Магницкаго, онъ изливалъ свое безсиліе удержать членовъ въ границахъ приличія, только въ письмахъ къ Магницкому, а самъ ничего не могъ сдѣлать, его никто не слушалъ.

Такой человѣкъ въ должности ректора былъ по меньшей мѣрѣ безполезенъ для университета въ то время. Пушкинъ тотчасъ же понялъ это и подъ его вліяніемъ 3 мая 1827 г. состоялся въ Совѣтѣ выборъ Лобачевскаго ректоромъ университета. Такъ какъ въ это время еще не истекъ срокъ, на который былъ утвержденъ ректоромъ Фуксъ, то Совѣтъ университета въ представленіи объ утвержденіи Лобачевскаго долженъ былъ присовокупить «что хотя г. профессоръ Фуксъ Высочайше утвержденъ ректоромъ Казанскаго университета 1825 г. генваря 12 дня, а потому и не окончилъ еще трехлѣтній срокъ, но Совѣтъ, принявши въ разсужденіе, что г. профессоръ Фуксъ, считая первое его утвержденіе въ должности ректора 9 мая 1820 года, находится въ семъ званіи уже четыре года, почелъ себя въ правѣ приступить къ выборамъ въ ректоры, согласно § 12 устава Казанскаго университета, признавая болѣе удобнымъ, чтобы ректоръ поступалъ въ отправленіе своей должности съ началомъ академическаго года».—Очевидно это разсужденіе было несправедливо, но здѣсь мы не можемъ не оправдать его въ виду пользы университета и крайней неспособности Фукса, избраннаго въ ректоры не Совѣтомъ, а Магницкимъ.

Ни Совѣтъ университета, ни Пушкинъ никогда не раскаявались въ выборѣ Лобачевскаго. Вполнѣ преданный университету, безукоризненной честности убѣжденій, неутомимый въ дѣятельности, энергическій, но безпристрастный и всегда уважавшій мнѣнія другихъ, дѣйствовавшій на членовъ Совѣта только силою убѣжденія и вслѣдствіе этого всѣми уважаемый—таковъ былъ Лобачевскій ректоромъ университета.

Взаимное уваженіе и даже дружба связывала Пушкина и Лобачевскаго; Пушкинъ, не только въ дѣлахъ, касавшихся университета, но и въ дѣлахъ всего округа всегда совѣтовался съ Лобачевскимъ.

Одною изъ первыхъ заботъ какъ Пушкина, такъ и Лобачевскаго было пріобрѣтеніе профессоровъ для Казанскаго университета, такъ какъ небольшое число профессоровъ, оставшихся послѣ Магницкаго было крайне недостаточно; нѣкоторые занимали по двѣ каѳедры, что не могло не имѣть вліянія на успѣхъ ихъ преподаваній (1).

(1) Изъ числа профессоровъ занимали по два мѣста слѣдующіе: Сергѣевъ, кромѣ каѳедры философіи, занималъ каѳедру гражданскаго и уголов-

Недостатокъ профессоровъ чувствовался не въ одномъ Казанскомъ университетѣ, а и во всѣхъ прочихъ; на иностранныхъ профессоровъ мало надѣялись; министерство рѣшилось поэтому отправлять молодыхъ людей для приготовкъ профессорскому званію за границу.

Казанскій университетъ въ 1827 году отправилъ для этой цѣли въ Германію, Францію и Англію лѣкаря Сыромятникова, причемъ ему было назначено, по Высочайшему повелѣнію, изъ министерскихъ суммъ, по 3000 р. асс. въ годъ на содержаніе въ Германіи и Франціи и по 4000 р.— въ Англіи.

Вскорѣ потомъ Совѣтъ университета избралъ для приготовленія къ профессорскому званію еще пятерыхъ молодыхъ людей, а именно магистра Кондакова, кандидатовъ Ламухина, Покровскаго, Крюкова и лѣкаря Скандовскаго. Излагая необходимость отправленія этихъ молодыхъ людей, спачала въ Петербургъ и Дерптъ, а потомъ въ чужіе краи, Совѣтъ писалъ, что преподаваніе опытной Физики и Химіи и въ особенности юридическихъ наукъ въ Казанскомъ университетѣ весьма плохо, и что онъ желалъ бы имѣть какъ для преподаванія этихъ наукъ, такъ и вообще даровитыхъ преподавателей изъ природныхъ русскихъ. Хотя при выборѣ этихъ кандидатовъ было обращено вниманіе не только на знаніе избранныхъ ими предметовъ, но также и на знаніе иностранныхъ языковъ, и на ихъ здоровье, но эта первая посылка молодыхъ людей была не вполнѣ удачною и имѣла, какъ оказалось впослѣдствіи, значительное вліяніе на судьбу Казанскаго университета. По распоряженію министерства, всѣ эти кандидаты, по прибытіи въ Петербургъ, должны были подвергнуться экзамену въ особой коммиссіи, и изъ нихъ оказались достойными поступить въ профессорскій институтъ только двое, кандидатъ Крюковъ и лѣкарь Скандовскій, про-

---

наго судопроизводства и правъ знатнѣйшихъ народовъ; профессоръ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго Городчаниновъ—каѳедру естественнаго права, профессоръ химіи и металлургіи Купферъ—каѳедру физики; профессоръ врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности, Фогель—каѳедру хирургіи; профессоръ древностей и языка латинскаго, Караблиновъ—каѳедру дипломаціи и политической экономіи;—профессоръ астрономіи Симоновъ—мѣсто астронома наблюдателя;—всѣ съ добавочнымъ жалованьемъ въ 1200 рублей ассигнаціями.

чіе найдены, какъ сказано въ бумагѣ министерства, ненадежными; а какъ всѣ эти кандидаты были отправлены въ Петербургъ на казенный счетъ, то издержки на проѣздъ туда и обратно троихъ, оказавшихся ненадежными, въ количествѣ 1649 р. асс., велѣно было взыскать съ профессоровъ присутствовавшихъ въ Совѣтѣ. Это довольно чувствительное наказаніе имѣло слѣдствіемъ то, что совѣтъ Казанскаго университета не рѣшался послѣ того избирать изъ своихъ кандидатовъ молодыхъ людей для отправленія въ профессорскій институтъ и заграницу, и по необходимости долженъ былъ отказаться отъ своей любимой мысли, не разъ высказываемой имъ, — имѣть преподавателей природныхъ русскихъ, а сталъ довольствоваться и попадавшися всегда къ стати нѣмцами. Многіе здѣсь помнятъ поступившихъ при Пушкинѣ профессоровъ Винтера, Берви, Блосфельда, Камбека, Фогеля, Фатера и друг.

Водвореніе порядка въ совѣтскихъ засѣданіяхъ Лобачевскій считалъ одною изъ существенныхъ своихъ обязанностей; онъ понималъ, что только при соблюденіи строгаго порядка возможно всестороннее, а слѣдовательно и болѣе правильное обсужденіе дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію Совѣта. А какъ Совѣтъ университета не имѣлъ привычки къ тому порядку, котораго требовалъ Лобачевскій, то и понятно почему, въ началѣ ректорства Лобачевскаго, нѣкоторые профессоры часто жаловались на него какъ на слишкомъ большаго формалиста и слишкомъ требовательнаго. Въ особенности съ однимъ изъ членовъ Совѣта, профессоромъ анатоміи Корейшею, долго долженъ былъ ссориться Лобачевскій. Корейша часто неглижировалъ своими лекціями, иногда прекращалъ ихъ на довольно значительное время, и на замѣчанія Лобачевскаго постоянно отговаривался недостаткомъ труповъ. Лобачевскій, показавъ что эта отговорка несправедлива, просилъ Совѣтъ сдѣлать замѣчаніе Корейшѣ, который сталъ жаловаться на несправедливость будтобы къ нему ректора, и несмотря на замѣчанія Совѣта безпрерывно подавалъ разныя кляузныя бумаги. Совѣтъ наконецъ принужденъ былъ просить попечителя «о воздержаніи г. Корейши, дабы онъ не обременялъ лишнимъ дѣломъ Совѣтъ и исполнялъ бы безпрекословно его постановленія». Но это былъ единственный случай, гдѣ Лобачевскій долженъ былъ употребить строгость; всегда и во всѣхъ прочихъ случаяхъ Лобачевскій дѣйствовалъ только пу-

темъ убѣжденія. Нерѣдко, не окончивъ совѣтскихъ преній въ засѣданіи, онъ приглашалъ разгоряченныхъ противниковъ къ себѣ на чашку чаю и тамъ уже мирно и хладнокровно разсуждалъ съ ними о томъ дѣлѣ, которое было поводомъ къ ссорѣ, и всегда приводилъ ихъ къ полному соглашенію. Совѣтъ вскорѣ вполнѣ оцѣнилъ Лобачевскаго, и съ этого времени постоянно избиралъ его ректоромъ университета до самаго назначенія его помощникомъ попечителя въ 1846 году.

Не малыхъ трудовъ стоило Лобачевскому и приведеніе въ порядокъ всѣхъ учебновспомогательныхъ заведеній университета, безпорядокъ въ управленіи которыми дошелъ при Магницкомъ до крайней степени. Напримѣръ, въ дѣлахъ Совѣта мы встрѣчаемъ такое обстоятельство: въ февралѣ мѣсяцѣ, 1826 года, физико-математическій факультетъ писалъ въ Совѣтъ университета, «что онъ получилъ книги приходо-расходныя на 1826 годъ, чтобы передать ихъ тѣмъ, кто завѣдывалъ кабинетами, лабораторіей, обсерваторіей и ботаническимъ садомъ. *Отдѣленіе, не имѣя при дѣлахъ свѣдѣній кому поручены были въ прошломъ году, равно и въ нынѣшнемъ, кабинетъ естественной исторіи, кабинетъ сравнительной анатоміи и ботаническій садъ*, не можетъ безъ того исполнить порученія правленія». Послѣ продолжительныхъ справокъ наконецъ нашли, что кабинетомъ естественной исторіи завѣдывалъ профессоръ Купферъ, ботаническимъ садомъ профессоръ Ероховъ, а въ нынѣшнемъ (1826 г.) онъ порученъ кандидату Кулакову; о кабинетѣ же сравнительной анатоміи такъ ничего и не могли отыскать.

Понятно, что для приведенія всего этого въ порядокъ необходимо было опредѣлить по крайней мѣрѣ наличное имущество кабинетовъ, и Пушкинъ въ началѣ своего управленія назначилъ для этой цѣли коммиссію изъ нѣсколькихъ профессоровъ, при содѣйствіи Лобачевскаго. Коммиссія эта обнаружила вполнѣ бѣдственное состояніе кабинетовъ. Такъ напримѣръ, при повѣркѣ Лобачевскимъ минералогическаго кабинета оказалось, что при Магницкомъ были сдѣланы для этого кабинета пріобрѣтенія значительныхъ коллекцій и на значительную сумму, но всѣ эти коллекціи такъ и оставались нераскупоренными, какъ были присланы, а довольно значительная коллекція, пріобрѣтенная отъ г-жи Свистуновой, даже неизвѣстно гдѣ находилась; изъ дѣлъ открылось только, что ключи отъ нее были когда то переданы бывшему ректо-

ру Фуксу, а для разбора ея была назначена коммиссія изъ профессоровъ, которые однакоже вскорѣ частію вышли изъ университета, частію умерли. Извѣстно было также, напримѣръ, что А. П. Лобачевскій, во время своего путешествія по Сибири, прислалъ въ университетъ большія коллекціи минераловъ и горныхъ породъ, но гдѣ находились эти вещи, никто незналъ; но счастію вспомнили, что когда то казначей говорилъ, что въ кассирской находятся какіе то ящики, но съ чѣмъ, ему неизвѣстно; оказалось, что эти ящики были съ минералами, присланными А. П. Лобачевскимъ.

По приведеніи въ извѣстность имущества кабинетовъ было обращено вниманіе на приведеніе ихъ въ возможно лучшій видъ. Ни Пушкинъ, ни Лобачевскій не скупились на это хозяйственными средствами университета. Астрономическая обсерваторія, вновь выстроенная подъ личнымъ наблюденіемъ Лобачевскаго, обогатилась тѣми фундаментальными инструментами, которые и нынѣ не уступаютъ лучшимъ инструментамъ въ Европѣ; для всѣхъ кабинетовъ были сдѣланы значительныя пріобрѣтенія и они приняли тотъ изящный видъ, который такъ любилъ Пушкинъ. При Пушкинѣ было устроено механическое заведеніе при университетѣ, которое дѣлало многіе инструменты не только для университета, но и для цѣлаго округа, и не было необходимости для починокъ и мелкихъ подѣлокъ обращаться къ частнымъ заведеніямъ.

Заботясь объ университетѣ вообще, Лобачевскій старался, по возможности, доставить спокойствіе и удобство и всѣмъ живущимъ въ университетѣ. Эти заботы въ особенности высказались во время холеры въ Казани въ 1830 году.

Въ половинѣ сентября 1830 года Лобачевскій узналъ о появленіи первыхъ признаковъ холеры въ Казани. Пушкина тогда не было въ Казани. Болѣзнь эту наблюдали въ Оренбургѣ еще въ прошломъ 1829 году нѣкоторые изъ медиковъ, окончившихъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ, которые и присылали свои наблюденія въ Казанскій медицинскій факультетъ. Всѣ были убѣждены тогда въ заразительности холеры, въ смыслѣ чумы, и противъ нее старались принять всѣ необходимыя карантинныя предосторожности. Узнавъ о появленіи признаковъ холеры, Лобачевскій сносился по этому поводу съ Казанскимъ губернаторомъ; но получилъ въ отвѣтъ, что губернаторъ не имѣетъ никакихъ причинъ подозрѣвать холеру въ городѣ, однакоже проситъ, чтобы и университет-

скіе врачи, вмѣстѣ съ городскими, свидѣтельствовали всѣхъ больныхъ, подозрѣваемыхъ холерными. 12-го сентября ректору объявили всѣ врачи о несомнѣнномъ появленіи холеры въ городѣ. Тогда онъ созвалъ чрезвычайное засѣданіе Совѣта, въ которомъ и было постановлено: немедленно прекратить университетскія лекціи, а ректора просить принять всѣ нужныя мѣры къ сохраненію здоровья какъ казенныхъ воспитанниковъ, такъ о всѣхъ живущихъ въ университетскихъ зданіяхъ. На другой день, будучи у губернатора, для совѣщанія о мѣрахъ къ прекращенію холеры, Лобачевскій узналъ, что въ ночь на 13-е число городъ былъ уже оцѣпленъ, какъ зараженное мѣсто. Лобачевскій тотчасъ поспѣшилъ въ университетъ и приказалъ немедленно прекратить всякое сообщеніе живущихъ въ университетскомъ кварталѣ съ остальными частями города. Всѣ входы и выходы изъ университета были заперты; оставленъ одинъ парадный входъ, но и въ тотъ должны были пропускаться только врачи и приниматься бумаги, окуренныя хлоромъ, или омытыя хлорною водою. Предосторожности при этомъ были такъ велики, что бумаги, присылаемыя въ университетъ, не должны были сшиваться, а только перенумеровываться, «ибо нитки и шелкъ, которыми сшиваются бумаги, считаются вещами, пріемлющими заразу, и если они плотно скручены, то должно опасаться, что газъ, коимъ окуривается пакетъ, не довольно проникаетъ въ тѣ сгибы, въ коихъ обыкновенно листы бумаги сшиваются». Необходимо замѣтить, что вѣра въ такую заразительность холеры такъ была велика въ то время, что въ слѣдующемъ 1831 году, въ цензурномъ комитетѣ нашего университета было получено распоряженіе о недозволеніи печатать сочиненія, отрицающія заразительность холеры и дѣйствительность хлора, какъ средства уничтожающаго эту заразу.

При оцѣпленіи университета въ него были приняты многіе университетскіе чиновники съ ихъ семьями и многіе своекоштные студенты, которые желали найти убѣжище въ стѣнахъ университета отъ страшной заразы. Число всѣхъ оцѣпленныхъ въ университетѣ было 560 человѣкъ (¹). Лобачев-

(¹) Изъ числа профессоровъ въ университетѣ были оцѣплены кромѣ Лобачевскаго Симоновъ, Баженовъ, Суровцовъ, Эрерманъ, Протасовъ и адъюнкты Грацинскій, Кулаковъ, Кайсаровъ.

скій распорядился, чтобы всѣ они пользовались казеннымъ столомъ, въ избѣжаніе какъ излишнихъ хлопотъ, такъ и возможности заразиться черезъ провизію. Провизія получалась на одномъ изъ отдаленныхъ университетскихъ дворовъ со всѣми возможными предосторожностями; люди получавшіе ее должны были носить платье пропитанное дегтемъ.

Для холерныхъ больныхъ были устроены двѣ больницы въ зданіяхъ университета подъ вѣдѣніемъ Эверсмана и Дмитріевскаго.

Сверхъ того, во всѣхъ зданіяхъ университета Лобачевскій всѣми мѣрами старался о поддержаніи чистоты, сухости и освѣженія воздуха чрезъ окуриваніе хлоромъ и уксусомъ; платье и постели больныхъ, умершихъ холерою, Лобачевскій велѣлъ сожигать. Такъ какъ изъ наличнаго числа преподавателей нельзя было составить засѣданія Совѣта, то учреждена была изъ нихъ подъ предсѣдательствомъ ректора коммиссія для рѣшенія дѣлъ, не терпящихъ отлагательства.

Такъ провели заключенные въ университетѣ болѣе полутора мѣсяца, не имѣя почти никакихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалось въ городѣ. Число всѣхъ больныхъ холерою въ университетскихъ зданіяхъ было до 40 человѣкъ; изъ нихъ умерли 13 и въ томъ числѣ одинъ профессоръ, Протасовъ. Такое незначительное число умершихъ въ университетѣ, сравнительно съ процентомъ смертности въ остальныхъ частяхъ города въ то время, должно быть приписано распорядительности и заботливости Лобачевскаго. Монаршее благоволеніе наградило его за эту заботливость.

Въ концѣ октября холера начала ослабѣвать и 5 ноября разрѣшено было открыть Совѣтъ и Правленіе, а 25 ноября открыты были и лекціи.

Заботы и вниманіе Лобачевскаго были обращены не на одинъ университетъ. Будучи долгое время при Пушкинѣ предсѣдателемъ испытательнаго комитета для пріема въ студенты, онъ въ тоже время разсматривалъ сочиненія учителей гимназій и дѣлалъ свои замѣчанія о гимназическихъ преподаваніяхъ, разсматривалъ и составлялъ для нихъ программы. Всѣ замѣчанія эти отличались глубокимъ знаніемъ дѣла и педагогическимъ тактомъ. Пушкинъ всегда высоко цѣнилъ ихъ. Для развитія педагогическихъ способностей молодыхъ людей, готовившихся къ учительскимъ должностямъ, какъ уже мы говорили, при Казанскомъ университетѣ состоялъ педа-

гогическій институтъ, который однакоже при Магницкомъ пришелъ въ совершенный упадокъ, такъ какъ директоры, обязанные руководить кандидатовъ, были въ то время люди, сами неимѣвшіе понятія о преподаваніи. Лобачевскій обратилъ на это особенное вниманіе; въ 1829 году онъ представилъ Совѣту, что одинъ директоръ педагогическаго института, даже и способный человѣкъ, не въ состояніи руководить кандидатовъ по всѣмъ наукамъ, и предложилъ мысль, чтобы каждый изъ профессоровъ былъ по своей наукѣ руководителемъ кандидатовъ, готовившихся къ учительскому званію. Мысль эта была принята Совѣтомъ и одобрена попечителемъ. Всѣ готовившіеся тогда къ званію учителей математики помнятъ, какъ интересны и поучительны были педагогическія занятія съ ними Лобачевскаго.

Стараніемъ Лобачевскаго какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ университетѣ введены были въ 1834 году гимнастика и пріятныя искуства. Лобачевскій всегда думалъ, что молодымъ людямъ, а въ особенности дѣтямъ, кромѣ умственныхъ занятій, необходимы и тѣлесныя упражненія для развитія и поддержанія здоровья, какъ одного изъ лучшихъ благъ жизни; онъ думалъ, что молодымъ людямъ необходимо давать больше движенія, больше воздуха, больше жизни. И онъ и Пушкинъ любили видѣть здоровыя, веселыя лица студентовъ, ловко танцующихъ, искусно владѣющихъ рапирою. И дѣйствительно, вы нынѣ не встрѣтите, милостивые государи, между студентами такихъ силачей, такихъ ловкихъ здоровыхъ молодыхъ людей, какіе часто встрѣчались въ то время. И напротивъ, тогда вы рѣдко бы встрѣтили такихъ, какихъ вы встрѣчаете нынѣ на каждомъ шагу, постояннымъ сидѣньемъ, недостаткомъ движенія загубившихъ свои молодыя физическія силы и кончающихъ курсъ двадцатилѣтними юношами, но съ зародышемъ безчисленныхъ болѣзней преждевременной старости.

Незабудемъ, милостивые государи, что Лобачевскому университетъ обязанъ постройкою лучшихъ своихъ зданій. Еще при Магницкомъ Лобачевскій былъ сначала членомъ, а съ 1825 года председателемъ строительнаго комитета, учрежденнаго для постройки главнаго корпуса университета: уже въ этомъ комитетѣ Лобачевскій принималъ самое дѣятельное участіе, и какъ онъ ничего не любилъ дѣлать наобумъ, то уже тогда, желая быть компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, основательно изучилъ архитектуру. Въ послѣдствіи времени,

когда въ 1833 году былъ учрежденъ новый строительный комитетъ для постройки надворныхъ зданій университетскихъ, Лобачевскій также былъ назначенъ его предсѣдателемъ и тутъ то знанія Лобачевскаго въ архитектурѣ принесли университету несомнѣнную пользу; имъ, этимъ знаніямъ, и неусыпной дѣятельности Лобачевскаго университетъ обязанъ красотою и прочностью построекъ обсерваторіи, библіотеки, анатомическаго театра, физическаго кабинета и лабораторіи, клиники; ни одна подробность этихъ построекъ не была сдѣлана безъ личнаго надзора Лобачевскаго. Притомъ изъ суммъ, отпущенныхъ по ходатайству Пушкина на эти постройки, Лобачевскій сумѣлъ сдѣлать весьма значительную экономію; до 49 тыс. р. сер. Въ 1841 году комитетъ этотъ закончилъ свои дѣла. Всѣ любовались вновь отстроенными зданіями,— и вы можете представить, мм. гг., какъ тяжело было смотрѣть Лобачевскому, когда въ слѣдующемъ 1842 году пожаръ уничтожилъ одно изъ лучшихъ зданій университета, астрономическую обсерваторію! Средства университета, да и средства города, не были въ силахъ предотвратить это бѣдствіе въ тотъ страшный пожаръ, который разрушилъ болѣе половины Казани. Лобачевскому однакоже университетъ обязанъ сохраненіемъ зданія библіотеки и всего имущества, находившагося какъ въ библіотекѣ, такъ и въ сгорѣвшей обсерваторіи. За эти труды Лобачевскій снова былъ награжденъ Монаршимъ благоволеніемъ. Для поправокъ сгорѣвшихъ университетскихъ зданій былъ учрежденъ новый комитетъ подъ предсѣдательствомъ Лобачевскаго же, который и окончилъ возложенное на него порученіе въ 1844 году.

Несмотря на эту изумительную по своему разнообразію дѣятельность Лобачевскаго (вы не найдете мм. гг. даже ни одного протокола совѣтскихъ засѣданій времени ректорства Лобачевскаго, въ которомъ бы не было написано собственною его рукой полнаго постановленія со всѣми нужными къ нему свѣдѣніями и справками), не смотря на эту дѣятельность, не дававшую, повидимому, ни минуты отдыха,—Лобачевскій никогда не оставлялъ научныхъ своихъ занятій. Не говоря уже о постоянномъ преподаваніи разнообразныхъ предметовъ, механики, чистой математики, математической физики, Лобачевскій во время своего ректорствъ издалъ лучшія свои сочиненія въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета, журналѣ имъ преобразованномъ и отъ его сочи-

ненiй получившемъ значенiе въ ученой литературѣ. Можно сказать, что Лобачевскiй славѣ своего университета пожертвовалъ своею славою: почти всѣ свои сочиненiя онъ печаталъ въ Ученыхъ Запискахъ университета на русскомъ языкѣ, и такимъ образомъ сдѣлалъ ихъ недоступными, особенно въ то время, для заграничныхъ ученыхъ. Только въ недавнее время, года два тому назадъ, нѣкоторыя работы Лобачевскаго, попались, и то случайно, одному изъ извѣстныхъ иностранныхъ ученыхъ, Бордоскому профессору математики, г. Гуэлю; онъ первый обратилъ вниманiе европейскихъ ученыхъ на сочиненiя Лобачевскаго, начавъ переводить ихъ на французскiй языкъ; г. Гуэлю Казанскiй университетъ обязанъ глубокою благодарностiю за распространенiе славы одного изъ его лучшихъ дѣятелей.

Я не имѣю цѣлiю излагать вамъ мм. гг. содержанiе и ученое достоинство сочиненiй Лобачевскаго, это было бы и затруднительно для меня передъ тѣми, кто не посвященъ въ тайны символовъ чистой математики; я замѣчу только, что всѣ сочиненiя Лобачевскаго отличаются оригинальностiю и новостiю взгляда, глубиною мысли и необыкновеннымъ умѣньемъ владѣть математическимъ анализомъ. Но тотъ сильно бы ошибся, кто бы сталъ по слогу и способу изложенiя его сочиненiй судить о его способѣ изустнаго преподаванiя: замѣчательно, что насколько слогъ его сочиненiй представляется нерѣдко темнымъ, монотоннымъ и своеобразнымъ, настолько же его изустное изложенiе было ясно, отчетливо и увлекательно.

Тихо и мирно, въ заботахъ объ университетѣ и въ ученыхъ занятiяхъ шли послѣднiе годы ректорства Лобачевскаго. Почти все время своей службы Лобачевскiй не отлучался изъ Казани; только съ октября 1836 до генваря 1837 года онъ ѣздилъ въ Петербургъ и Дерптъ, гдѣ познакомился съ своими товарищами по наукѣ. Но мы должны сказать, что Лобачевскаго не оцѣнили его соотечественники такъ, какъ онъ того заслуживалъ; только Московскiй университетъ, въ день празднованiя своего столѣтняго юбилея, почтилъ его избранiемъ въ почетные члены.—Въ 1840 году Лобачевскiй ѣздилъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Эрдманомъ, депутатомъ отъ Казанскаго университета въ Гельзингфорскiй, на празднованiе двухсотъ-лѣтняго юбилея этого послѣдняго. Въ 1842 году онъ

былъ избранъ членомъ корреспондентомъ Геттингенскаго королевскаго общества наукъ.

Лобачевскому, при концѣ его служебной дѣятельности, привелось испытать огорченія и непріятности, которыя сильно подѣйствовали на его здоровье. 7-го іюля 1846 года окончилось пятилѣтіе, на которое Лобачевскій былъ оставленъ на службѣ съ званіемъ заслуженнаго профессора, а въ предъидущемъ году онъ былъ единогласно избранъ ректоромъ университета на новое четырехълѣтіе. (Въ это время Лобачевскій управлялъ Казанскимъ учебнымъ округомъ, по случаю назначенія Мусина-Пушкина попечителемъ въ С. Петербургскій университетъ). Совѣтъ Казанскаго университета снова ходатайствовалъ передъ министромъ народнаго просвѣщенія объ оставленіи Лобачевскаго еще на пять лѣтъ, почитая (какъ сказано въ протоколѣ) за особенную честь для университета имѣть въ числѣ профессоровъ столь отличнаго ученаго и опытнаго педагога. Вмѣсто утвержденія однакоже этого ходатайства, 28 августа того же года получилось Высочайшее повелѣніе о назначеніи Лобачевскаго помощникомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, съ увольненіемъ отъ должностей ректора, и профессора.—Такое назначеніе, помимо желанія и воли Лобачевскаго, можно было почесть немилостію къ нему, не говоря уже о томъ, что сверхъ получаемаго имъ пенсіона ему было, по новой его должности, назначено только по 800 р. с. столовыхъ [1]; но Лобачевскому въ это время было только 53 года, и онъ какъ въ должности ректора, такъ и въ должности преподавателя еще много могъ бы принести пользы университету. За это ручается его послѣдующая ученая дѣятельность. Такъ уже много времени спустя послѣ этого онъ читалъ, для избранной аудиторіи, въ которой присутствовали профессоры физико-математическаго факультета и многіе изъ учителей гимназій, по истинѣ глубокомысленныя лекціи, въ которыхъ развивалъ, съ необыкновеннымъ искуствомъ, свои новыя начала

---

(1) Надобно замѣтить, что по должности ректора Лобачевскій во все время своей службы не получалъ никакой прибавки къ профессорскому содержанію. Жалованье по этой должности было назначено только его преемнику профессору Симонову; но Лобачевскій по должности профессора получалъ до этого времени по 1142 р. с.

геометріи;—а между тѣмъ назначеніе его помощникомъ попечителя отнимало у него всякую возможность дѣятельности на пользу любимаго имъ университета. Хотя Лобачевскій передалъ лекціи достойному преемнику и ученику своему, профессору А. Ѳ. Попову, но ему все таки тяжело было разставаться съ своей аудиторіей. Притомъ, управляя Казанскимъ учебнымъ округомъ и университетомъ, уже въ качествѣ помощника попечителя, до пріѣзда В. П. Молоствова, назначеннаго попечителемъ въ августѣ 1847 года, Лобачевскій имѣлъ несчастіе войти въ столкновеніе съ Совѣтомъ университета. Читая совѣтскіе протоколы того времени, мы видимъ, что нерѣдко многія предложенія Лобачевскаго встрѣчали оппозицію въ Совѣтѣ университета. Что было поводомъ и кто былъ причиною этого разлада мы незнаемъ; безъ сомнѣнія, была разница между лицомъ, служащимъ университету по его выбору и лицомъ, хотя ему-же служащимъ но по выбору министерства, однакоже эту одну причину, въ отношеніи къ Лобачевскому, мы не можемъ почесть достаточною для объясненія неудовольствій, возникшихъ между Лобачевскимъ и Совѣтомъ университета. Мы должны присовокупить здѣсь, что ректоромъ университета былъ назначенъ въ это время Симоновъ, человѣкъ далеко стоявшій ниже Лобачевскаго, но честолюбивый и давно уже мечтавшій о должности ректора.

Какъ бы то нибыло, но то вполнѣ заслуженное вліяніе на университетъ, которымъ до сихъ поръ пользовался Лобачевскій, съ этого времени начало постепенно и замѣтно падать; и Лобачевскій увидѣлъ, что дѣло его съ университетомъ окончено.

Съ пріѣздомъ Молоствова Лобачевскій совсѣмъ почти устранилъ себя отъ дѣлъ. Мы видѣли его только постоянно присутствующимъ и принимающимъ участіе на пріемныхъ экзаменахъ въ университетъ и на экзаменахъ студенческихъ. Бывши студентами, мы удивлялись тому огромному запасу свѣдѣній, который имѣлъ Лобачевскій: не говоря уже о предметахъ физико-математическаго факультета, онъ могъ быть экзаменаторомъ, въ полномъ значеніи этого слова, почти въ каждой наукѣ. Многимъ изъ насъ онъ казался страннымъ и пожалуй придирчивымъ экзаменаторомъ; онъ мало обращалъ вниманія на бойкіе заученные отвѣты, часто не смотрѣлъ вовсе на подробности счета, но обращалъ всегда большое вниманіе на точность выраженія, и въ этомъ случаѣ

дѣйствительно былъ уже слишкомъ требователенъ; на экзаменахъ онъ старался всегда убѣдиться не въ памяти испытуемаго, но въ пониманіи имъ предмета и въ его развитіи. Я говорю это мм. гг. по опыту, такъ какъ самъ имѣлъ счастіе нѣсколько разъ экзаменоваться у Лобачевскаго, и нерѣдко съ такого экзамена я выносилъ познанія, которыхъ не имѣлъ прежде. Такъ иногда было поучительно даже экзаменоваться у Лобачевскаго.

Быстро и видимо разрушались физическія силы Лобачевскаго въ послѣдніе годы его жизни. Къ страданіямъ тѣлеснымъ прибавились душевныя: потеря любимаго сына, умершаго уже въ юношескомъ возрастѣ, произвела глубокое на него вліяніе. Подъ тяжкимъ гнетомъ этихъ страданій Лабачевскій имѣлъ несчастіе дожить до того состоянія, которое, производя впечатлѣніе глубокаго сожалѣнія и сострадапія на людей знавшихъ его, возбуждало нерѣдко насмѣшливую улыбку въ людяхъ, смотрѣвшихъ легкомысленно на этотъ заживо разрушавшійся организмъ. При видѣ дряхлаго, почти лишившагося умственныхъ силъ старика, забывалось, что эта преждевременная дряхлость была слѣдствіемъ чрезмѣрныхъ его трудовъ на пользу и славу родного ему университета, что его умственныя и нравственныя силы всѣ были принесены на безкорыстное и высокое служеніе отечественному просвѣщенію. И какъ дорогъ былъ Лобачевскому университетъ нашъ! Стоя уже на краю могилы, Лобачевскій собралъ послѣднія разрушавшіяся силы, чтобы принести и послѣднюю дань университету въ день его пятидесятилѣтняго юбилея; юбилейный сборникъ Каз. университета украсился переводомъ на французскій языкъ Пангеометріи Лобачевскаго. На слѣдующій годъ его уже не стало; онъ скончался въ 1856 году, 12 февраля, будучи 62 лѣтъ отъ роду.

Мы помѣщаемъ здѣсь списокъ сочиненій написанныхъ Лобачевскимъ.

1) О резонансѣ или взаимномъ колебаніи воздушныхъ столбовъ (Каз. Вѣстникъ 1828 г.).

2) О началахъ геометріи. (Каз. Вѣстникъ 1829 и 1830 г.)

3) Рѣчь о важнѣйшихъ предметахъ воспитанія, произ-

несенная 5 іюля 1828 года въ торжественномъ собраніи университета. (Каз. Вѣстникъ 1832 г.).

4) Основанія алгебры. Казань 1833 г. 8°.

5) Пониженіе степени въ двучленномъ уравненіи, когда показатель безъ единицы дѣлится на 8. (Ученыя Записки Каз. ун. 1834 года).

6) Объ изчезаніи тригонометрическихъ строкъ. (Уч. Записки Каз. ун. 1834 г. книга II).

7) Условныя уравненія для движенія и положенія главныхъ осей въ твердой системѣ. (Была послана въ учен. записки Московскаго университета).

8) Воображаемая геометрія. (Уч. Зап. Каз. университета 1835 г. кн. I).

9) Способъ увѣряться въ изчезаніи безконечныхъ строкъ и приближаться къ значенію функцій отъ весьма большихъ чиселъ. (Уч. Зап. Каз. ун. 1835 л. кн. II).

10) Новыя начала геометріи съ полной теоріей параллельныхъ. (Уч. Зап. Каз. ун. 1835 г. кн. III, 1836 г. книги II и III, 1837 г. кн. I, 1838 г. кн. I и III).

11) Примѣненіе воображаемой геометріи къ нѣкоторымъ интеграламъ. (Уч. Зап. Каз. ун. 1836 г. кн. I).

12) Sur le probabilité des resultats moyens, tirés des observations repetées. (Послана въ 1838 г. въ журналъ Крелля).

13) Beiträge zu der Theorie der Parallelinien (Crelle J. f. die reine und angew. Mathem. 1840).

14) Ueber die convergenz der unendlichen Reihen. (Послана въ журналъ Крелля въ 1840 г.).

15) Полное затмѣніе солнца въ Пензѣ въ 1842 г. 20 іюня (Журналъ мин. народн. просв. 1843 г.).

16) О значеніи нѣкоторыхъ опредѣленныхъ интеграловъ. (Уч. Зап. Каз. ун. 1852 г.).

